

Александр Абалихин

Творцы грёз

16+

Александр Абалихин

Творцы грёз

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Абалихин А.

Творцы грёз / А. Абалихин — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Друзьям, один из которых пишет фантастический роман, а другой его иллюстрирует, снятся одинаковые сны о далёких фантастических мирах. Незаметно грань между грёзами и реальностью стирается.

Содержание

Глава 1. Арбатский художник	5
Глава 2. Наяву или во сне?	24
Глава 3. Борцы с умом	35
Глава 4. Чужие на Эрлисете	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Абалихин

Творцы грёз

Глава 1. Арбатский художник

Утро началось с телефонного звонка, который разбудил Катю в половине шестого утра. Мужской голос торжественно сообщил, что в Управлении объявлена учебная пожарная тревога.

Катя кинулась искать мужа и обнаружила его стоящим с намыленным подбородком перед зеркалом в ванной комнате.

– Не мог телефон с собой взять? Между прочим, мне вставать ещё только через два часа, а мобильник возле кровати, на тумбочке, трезвонит. Да и сын может проснуться в такую рань. Надоело уже! Каждую неделю у тебя на службе объявляют тревогу. И почему-то это происходит ранним утром, – недовольно проговорила Катя и положила телефон на полку возле зеркала.

– Это наш пожарный выслуживается перед начальством. Он устраивает имитацию возгорания на территории Управления. Сотрудники никак не могут вовремя собраться и построиться, а начальство недовольно. У нас служат люди, непривычные к утренним построениям – технари и хозяйственники, которым в форме приходится ходить на службу, – сказал Сергей Юрчиков.

– Скажешь начальнику, что автобусы утром не ходили, и ты до метро долго добирался, – предложила Катя.

– Между прочим, меня так могут и премии лишить.

Сергей закончил бриться и проследовал из ванной комнаты на кухню. Жена направилась за ним следом.

– Зачем вам, технарям, нужны тревоги и построения? Преступников не ловите, в засадах не сидите, – удивлённо сказала Катя.

– У нас непростая работа. Мало того, что приходится выполнять свои обязанности, так ещё постоянно приходится изворачиваться. К примеру, первый заместитель начальника нашего Управления Заразин часто даёт, мягко говоря, странные приказы, и при этом любит повторять: «В случае чего, я сам за всё отвечу!».

– Ответит он, как же! – усмехнулась Катя.

– Сам знаю, что не ответит. По лицу видно, что он непорядочный человек. Да и вообще в нашем Управлении таких начальников много, – вздохнул Сергей.

– И что ты там забыл?

– Сейчас не так легко устроиться на работу.

– Значит, тебе следует всерьёз заняться литературным творчеством. Ведь ты написал несколько фантастических рассказов.

– Смеёшься? – нахмурился Сергей. – За счёт публикации рассказов в журналах не проживёшь.

– Хоть кружку чая выпьешь? – участливо спросила Катя, наблюдая, как муж хватает со стола кусок варёной колбасы и с безразличным видом её жуёт.

– Некогда! – махнул рукой Сергей.

– Может, направишь роман в издательство?

– Я его ещё не завершил, – буркнул Сергей и, выходя из квартиры, поцеловал жену и сказал:

– Не волнуйся. Всё будет хорошо.

Юрчиков едва не опоздал. Перед центральным административным зданием уже построились сотрудники Управления. Немного в стороне, держа в руках огнетушитель, возле небольшого металлического короба, в котором полыхало пламя, стоял ответственный за обеспечение пожарной безопасности полковник Смирнов. Он сам недавно разжёг огонь и теперь должен был его потушить.

Из дверей центрального административного корпуса вышел полковник Заразин. Увидев, что расположившиеся в две шеренги сотрудники, слишком растянулись, Заразин закричал:

– Сойдитесь!

Стоявшие в строю стали переглядываться, но не сдвинулись с места.

– Ну, какие же вы тупые! Сказано вам: сойдитесь к центру! – крикнул Заразин.

Из щекотливой ситуации его выручил начальник Управления полковник Свитко. Резвой наполеоновской походкой он уверенно вышел на улицу и стал что-то торопливо шептать на ухо своему заместителю.

– Сегодня приезжает комиссия из министерства! – объявил Заразин. – Всем срочно разойтись по кабинетам. Сидите там и не высовывайтесь!

Смирнов стал заливать пламя пеной из огнетушителя.

Сергей зашёл в свой кабинет и занялся составлением квартального отчёта. Вскоре он почувствовал запах дыма.

Юрчиков вышел в коридор и увидел там капитана Амбарова, который тоже вышел из своего кабинета.

– Что случилось? – спросил Сергей.

– Чувствуешь, дымом пахнет?

– Да. Неприятный запах, – приняв хавшись, сказал Юрчиков.

– С лестничной площадки тянет. Возможно, мусор в контейнере горит? – предположил Амбаров.

– Надо сообщить Смирнову.

– Сейчас наш доблестный пожарный занят. К приезду комиссии из Министерства он устраняет последствия учебного возгорания.

Ответственный за обеспечение пожарной безопасности пятидесятилетний полковник Смирнов был своеобразным человеком. Его бегающие серые глаза выдавали натуру непостоянную и жуликоватую. О пожарном ходили слухи, что он нечист на руку.

Смирнову всю жизнь везло. Например, когда представление на присвоение ему звания полковника ушло в министерство, он не удержался и попытался своровать и вывезти с территории большой огнетушитель. При попытке кражи вверенного ему огнетушителя он проявил невиданное мужество и удаль. Смирнов пытался своровать его в служебное время. Однако при этом его угораздило попасться на глаза начальнику Управления, который принялся кричать и ругаться. Впрочем, пожарный отлично понимал, что в очередной раз ему всё сойдёт с рук. Так и случилось. Спасённый огнетушитель остался на своём месте, а Смирнов получил звание полковника. Начальник замял дело с огнетушителем, зная о своей ответственности за подчинённого и не желая выносить сор из избы.

– Пойдём! Может, сами потушим, – предложил Амбаров.

Юрчиков и Амбаров вышли на лестничную площадку, затянутую едким дымом. Они спустились на первый этаж и, выйдя на улицу, увидели, что из небольшого мусорного контейнера валил дым.

Амбаров поднял с асфальта несколько больших сырых комьев снега и бросил их в контейнер. В это время из-за угла здания вышел Смирнов. Принюхиваясь к дыму, пожарный приближался к стоявшим возле мусорного контейнера Амбарову и Юрчикову.

– Попались! Сейчас составим протокол! – торжествующим голосом произнёс Смирнов.

– Какой ещё протокол? – удивился Амбаров.

– Протокол о несанкционированном уничтожении вами важных документов! – выпалил пожарный.

– Каких документов? – изумился Юрчиков.

– Вы только что сожгли документы! – заявил Смирнов.

– Выслуживаешься? – нахмурившись, спросил Амбаров.

– Я бдительность проявляю. Так что, сейчас составлю протокол! – гадливо усмехнувшись, пообещал пожарный.

Юрчиков ощутил запах пота и давно нестиранной формы, мешком висевшей на Смирнове. Сергей поморщился.

– Если вы не извинитесь, я сообщу руководству, – пообещал пожарный.

– Это за что же мы должны извиняться?! – с возмущением воскликнул Сергей.

– За несанкционированное сжигание документов, – сказал Смирнов.

– Да не было у нас никаких документов! И если бы они были, то зачем нам их жечь? Ты псих! – сказал Сергей.

– Я не псих! Я поставлен, чтобы блюсти порядок! – воскликнул Смирнов.

– Да плюнь ты на него, Сергей! – сказал Амбаров.

– Вы оба за это поплатитесь! – с угрозой произнёс пожарный.

Юрчиков и Амбаров прошли мимо него.

Сергей, ругая себя за то, что согласился принять участие в ликвидации очага возгорания, вернулся в свой кабинет.

Вскоре зазвонил местный телефон. Сергей снял трубку и услышал раздражённый голос Заразина.

– Юрчиков, срочно зайдите ко мне! – потребовал Заразин.

Через несколько минут он вошёл в кабинет заместителя начальника Управления.

– Где вы скрываетесь, майор? – сразу накинулся на него Заразин, сидевший за столом в конце длинного кабинета.

– Я скрывался на своём рабочем месте у себя в кабинете, – спокойно ответил Юрчиков.

– Почему мне приходится вас долго ждать? – недовольно топорща усы, спросил Заразин.

– От моего кабинета до вашего идти почти как до ближайшей станции метро.

– Не дерзите! – взвизгнул Заразин.

– У вас есть ко мне вопросы?

– Мне стало известно, что вы с майором Амбаровым чуть не устроили пожар! Зачем?

– А ещё мы, якобы, сожгли некие документы. Про это вам рассказал Смирнов?

– Он сказал, что вы уничтожили отчёты по проверке ваших отделов.

– У него богатое воображение. Всё отчёты хранятся в секретариате, и комиссия в нашей работе не выявила недостатков.

– Возможно, Смирнов переборщил... Но что вы сжигали в мусорном контейнере?

– Мы ничего не жгли, а, наоборот, тушили огонь. Наверно, в контейнер кто-то бросил окурок.

– Я вам не верю! Вы хоть понимаете, что вместе с Амбаровым едва не спалили всё учреждение!

Юрчикову показалось, что обычно желтоватое лицо Заразина стало серым, словно тот сам надыхался едким дымом.

– Вам уже почти пятьдесят лет! При проведении очередной аттестации мы от вас избавимся. Вас уволят, – пообещал Заразин. – Таким, как вы, у нас не место, потому что вы не выполняете мои приказы.

– Ваши устные неправомерные приказы, – добавил Юрчиков.

– Вы много себе позволяете, Юрчиков! Много умничаете. Вот и Корольков, заместитель начальника Управления по науке, тоже много умничает.

– Я знаю, что вам умные и порядочные люди не нужны, – заявил Юрчиков.
– Сейчас же замолчите! – прошипел Заразин.
– Только знайте, избавившись от таких специалистов, как Корольков, вы, вместе с вашим шефом, сядете! – пообещал Юрчиков.
– Куда это мы сядем? Куда? – занервничал Заразин.
Усы у него стали топорщиться, а левая щека задёргалась.
– В лужу вы оба сядете! – выпалил Юрчиков.
– Вон из моего кабинета! – закричал Заразин. – С вами мне всё ясно.
Не успел Юрчиков вернуться в свой кабинет, как послышалось объявление, произнесённое монотонным мужским голосом по громкой связи.
– Всем сотрудникам собраться в актовом зале. Состоятся теоретические занятия по пожарной безопасности. Форма одежды – повседневная.

В актовом зале собрались все сотрудники Управления. На трибуну поднялся начальник отдела кадров подполковник Нижин. Он обвёл взглядом сидящих в зале и произнёс обычные слова:

– Почему не все в форме? – спросил Нижин и добавил с угрозой:
– Будут приняты меры. Вообще ко всем будут приняты меры! Почему никто до сих пор не прошёл психологическое тестирование, а по физической подготовке сдали зачёты только двадцать сотрудников? Здесь никого не держат. Я смотрю, вам тут совершенно неинтересно находиться. Считаю, что нельзя мириться с безучастностью участников собрания!

Заметив, что после его вступления слушатели ещё больше заскучали, Нижин объявил:

– А сейчас выступит полковник Смирнов.

Нижин уступил своё место на трибуне ответственному за обеспечение пожарной безопасности. Тот, как всегда, вышел на трибуну в камуфляжной форме и начал бубнить про опасность возгораний. Потом он сообщил, что сейчас будет показан учебный фильм про работу пожарной дружины.

По окончании учебного фильма Смирнов снова взошёл на трибуну и сказал:

– Я сам неоднократно участвовал в тушении пожара. Надо сказать, что спасатели, бывает, иногда злоупотребляют...

– Пьют, что ли? – выкрикнул кто-то с места.

– Нет, – мотнул головой Смирнов. – Иногда недобросовестные лица, участвующие в тушении пожара, воруют телевизоры, компьютеры, деньги и эти, как их...

Смирнов замялся, о чём-то задумавшись.

– Огнетушители! – подсказал сидевший в третьем ряду Амбаров.

Пожарный не смутился. Глупо заулыбавшись, он принялся рассказывать о видах огнетушителей.

Затем Нижин объявил, что сотрудники могут расходиться по своим рабочим местам.

В обеденный перерыв Юрчиков не пошёл в столовую. Есть ему не хотелось. Он решил зайти к Олегу Овсянникову, кабинет которого располагался на последнем этаже здания Управления.

Сергей давно дружил с Олегом – сорокапятилетним вольнонаёмным работником хозяйственного отдела. Помимо своей основной работы, Овсянников, задерживаясь по вечерам в своём кабинете, писал картины.

Правда, в последнее время они редко встречались. Приходя на службу, Юрчиков сразу же погружался в работу. По вечерам и в выходные он был занят домашними делами и писал роман...

Сергей зашёл в помещение с низким потолком, пропитанное горьковатым запахом масляной краски. В центре кабинета стоял кулман, на котором был закреплён холст с летним пейзажем. Возле дальней стены располагался верстак с разложенными на нём инструментами.

Темноволосый мужчина невысокого роста с добрыми карими глазами сидел за столом возле окна. Увидев Юрчикова, он приветливо улыбнулся.

– Здравствуй, Олег! – сказал Сергей.

– Здорово! Хорошо, что ты зашёл! – обрадовался Овсянников. – Приятно видеть нормального человека. Я на работе устаю из-за того, что приходится общаться с раздражёнными людьми. Особенно начальники у нас нервные.

– Нервные они из-за того, что их мучает совесть, – сказал Юрчиков.

– Это точно. Вот недавно я менял лампы в коридоре, а полковник Борзенко – один из заместителей начальника Управления в это время проводил совещание. Дверь в кабинет была открыта, и я всё слышал. Этот полковник всех материл, несмотря на то, что на совещании присутствовали женщины. У вас, офицеров, плохо обстоят дела с честью и достоинством, если такого человека, как Борзенко, терпите. Пожалуй, в нашем Управлении среди руководства только полковник Корольков настоящий мужик и порядочный человек.

– А главное, что он среди руководства единственный из специалистов остался. Выдают его скоро. А этого Борзенко, говорят, к нам прислали из захолустного городка Изверска. Он от полученной над людьми власти, даже невесть какой великой, совсем очумел.

– Ну, их! Лучше скажи, как у тебя с творчеством дела? – спросил Овсянников.

– Плохо. Некогда свои произведения доработать. Впрочем, скоро время появится. Наверняка меня уволят. Да я бы и сам давно уволился, только на нынешнюю пенсию не проживёшь и на работу после пятидесяти лет трудно устроиться, – сказал Юрчиков и поинтересовался:

– А тебе удаётся заработать на картинах?

– Затраты на краски и холсты окупаются. Ещё и на сосиски с картошкой хватает, а также на оплату коммуналки.

Олег и его мать Людмила Григорьевна проживали на Арбате, на четвёртом этаже старого девятиэтажного дома, в трёхкомнатной просторной квартире.

Гости у них бывали редко, за исключением Варвары Григорьевны – старшей сестры матери.

Варвара Григорьевна, в отличие от матери Олега – добродушной полной женщины, была сухой и вредной старушкой. Обе они были кареглазые, но взгляд у них был разный: добрый – у матушки Овсянникова и колючий – у тётки Вари. Мало того, что характер у тётушки был тяжёлый, так она ещё и не терпела запаха масляных красок. Во многом, по этой причине, а также из-за того, что Варвара Григорьевна приезжала к ним в гости обычно месяца на два-три, а уезжала лишь на недельку проведать свою квартиру в подмосковном городе Одинцово. Поэтому Олег был вынужден писать картины на работе, по вечерам, когда сотрудники и служащие разойдутся по домам.

– Олег, а что это за странную картину пишешь? – поинтересовался Юрчиков.

– Неудачно вышло, сам понимаю. Ночью, видишь ли, писал, – оправдываясь, сказал Овсянников. – По ночам лучше не работать. Объединил два пейзажа, и вот такая ерунда получилась.

Судя по всему, Овсянников схалтурил. Картина была разделена на две разные части. Правая часть картины изображала саванну, а левая – водопад в джунглях. Пальмы возле водопада напоминали маленькие ростки борщевика на фоне низвергающейся воды, а над странными пальмами парили птицы, похожие на белых ворон.

– Это у тебя орлы изображены или чайки? – удивился Юрчиков.

– Да я глупость совершил. Мне пообещали хорошие деньги за пейзаж с джунглями. Вот с двух разных открыток, я на скорую руку и срисовал картину. Много красок потратил на этот кошмар, – вздохнув, проговорил Овсянников.

– Ничего. Ещё можно исправить, – успокоил Юрчиков.

Овсянников молча махнул рукой и тяжело вздохнул.

– Слушай, а ведь у тебя отличные полотна есть! – сказал Юрчиков, кивнув на картины, которые были приставлены к стене. – Вот этот «Морозный вечер в деревне» чудо, как хорош! И диптих «Утро» и «Вечер» тоже здорово написаны. На одной картине изображён странник, отдыхающий лунной ночью на морском побережье, возле костра, а на другой – этот же пейзаж, но уже светлым утром. На картине – чёрное кострище на пустынном морском берегу и грустный человек возле потухшего костра. Так быстро меняется жизнь!

– Рад, что они тебе понравились

– А портреты часто заказывают?

– Редко.

– Жаль. Тебе они удаются.

– А я недавно прочитал твою повесть – словно интересный фильм посмотрел.

– Приятно, что хоть кому-то интересны мои сочинения. Ладно, пойду работать, – сказал Юрчиков и вышел из кабинета.

Зазвонил телефон. Овсянников снял трубку. Дежурный капитан Кузнечиков сообщил Олегу, что его вызывает к себе начальник Управления и просит взять с собой большое ведро и сачок. Олег удивился и переспросил:

– Мне с сачком и ведрами прийти?

– Да! – подтвердил Кузнечиков. – Приходите скорее, а то начальник сердится.

– Сейчас буду. Только без сачка. А ведра возьму на складе, – пообещал озадаченный Овсянников.

Вскоре, держа в одной руке ящик с инструментами, а в другой пустое ведро, он зашёл в приёмную начальника Управления. За столом, уставленном телефонами, сидел дежурный.

– Проходите! – обрадовался Кузнечиков, поспешно открывая перед Овсянниковым дверь в кабинет начальника.

Олег зашёл в просторный кабинет.

– Как же вы долго шли! – недовольно сказал полковник Свитко, сидевший за столом.

– Что надо починить? – спросил Овсянников.

– Чинить ничего не требуется, – сказал Свитко и, встав из-за стола, крадущейся походкой приблизился к большому аквариуму, стоявшему на тумбе возле стены в окружении четырёх росших в кадках финиковых пальм.

Свитко подозрительно посмотрел на серебристых рыбок, лениво плававших среди зелёных водных растений, и шёпотом произнёс:

– Надо слить воду и проверить.

– Зачем воду сливать? Ведь вода в аквариуме чистая! – удивился Овсянников.

Свитко прислонил палец к губам и тихо сказал:

– Тише!

– Воду не нужно менять, – сказал Овсянников. – Я знаю. Когда-то я разводил аквариумных рыбок.

– Я лучше знаю, что надо менять, а что – не надо! – с раздражением проговорил Свитко и посмотрел сначала тревожно – в глаза Овсянникову, а затем пристально – на ведро и на ящик с инструментами, которые тот держал в руках.

– Надо вычерпать воду? – тихо спросил Овсянников.

– Да. Вычерпать! До дна! Только не спрашивайте меня ни о чём! – потребовал Свитко.

– А рыб поймать? – спросил Овсянников.

– Поймать! Всех – в ведро!

– Чем же их поймать?

– У майора Иваникина есть сачок. А вот сам он заболел или, скорее всего, притворился больным. Эх, Иваникин, Иваникин! А ведь я ему доверял и просил его кормить рыбок, когда уезжал в командировку или уходил в отпуск, а он... – Свитко огорчённо махнул рукой.

– А что произошло?

– Не спрашивай меня ни о чём! – хозяин кабинета начал злиться.

– Руками рыб, что ли, ловить? – поинтересовался Овсянников.

– Вычерпаешь воду, а потомймаешь рыбок банкой, когда воды в аквариуме останется мало. Черпай воду ведром! – приказал Свитко.

– А выливать куда?

– По ведру можно под пальмы вылить, – предложил Свитко.

Овсянников пожал плечами, и принялся черпать воду из аквариума. Круглые серебряные рыбы заматались и четыре из них попали в ведро.

– Это случайно не пираньи? – забеспокоился Овсянников. – Они очень похожи на пираний.

– Выливай рыб под пальмы! – потребовал Свитко. – Если это действительно пираньи, трогать их не надо. Сами сдохнут. А потом их уже Кузнечиков вскроет. Ему я пока доверяю.

Овсянников снова удивился решению начальника управления вскрыть пираний и, пожав плечами, вылил под пальму воду из ведра.

– Работай быстрее! – потребовал Свитко.

Олег продолжил черпать воду из аквариума.

Когда вся вода впиталась в сухую землю, три резвые рыбки с серебристой чешуёй выпрыгнули из кадки и запрыгали на полу. Причём одна из них устремилась к хозяину кабинета, который проявил невероятную резвость и вскочил сначала на кресло, а потом на стол.

– Дави рыб ногами! – потребовал Свитко.

– Не буду давить! – взбунтовался Овсянников. – Рыбки – живые твари. К тому же, возможно, это не пираньи.

– Нет, пираньи! Точно пираньи! – говорил Свитко, с тревогой наблюдая за скачущими по ковру серебристыми рыбами. – Их специально в мой аквариум запустили. Если бы я руку надумал в воду опустить, пираньи мне бы её по локоть откусили!

Рыбы устали и перестали прыгать по полу.

– Почему прекратил работу? – недовольно спросил Свитко Овсянникова, стоявшего с полным ведром воды возле аквариума.

– Некуда воду выливать. Из кадок с пальмами вода вот-вот потечёт на пол!

– Воды в аквариуме почти не осталось. Оставшиеся рыбы по камням прыгают или под растения забились.

– Пусть все эти рыбы сдохнут, и уж тогда мы их! – потряс кулаком хозяин кабинета и, спустившись со стола, сел в кресло. – Ты, братец, теперь ступай! Да ведро с водой вынести не забудь.

Овсянников вышел из кабинета и, решив отдохнуть, поставил ведро на ковёр напротив стола дежурного.

Капитан с удивлением уставился на ведро.

– Кузнечиков! Живо ко мне! – послышался из кабинета голос Свитко.

Дежурный проскользнул мимо Овсянникова в кабинет начальника. Тут же в приёмную ворвался Заразин и, едва не угодив ногой в ведро, скрылся в кабинете, оставив дверь приоткрытой.

Из кабинета послышался взволнованный голос Заразина:

– Проверяющие нашли, что разработанные нами технические условия и опытные образцы продукции не соответствует требованиям технических заданий. Документы по основным разработкам изъяты!

– Всё это – звенья одной цепи! – закричал Свитко. – И проверка, и эти рыбы, и аквариум на прослушке! Нас прослушали! Иваникин был в сговоре. Наверняка он пошёл на сотрудничество с соответствующими органами!

– Какой аквариум? Этот? В нём – Это?! – с ужасом произнёс Заразин.

– Да! И возможно, что Это – в самих рыбах! – вскричал Свитко.

– Не надо говорить так громко, – посоветовал Заразин. – И почему вы уверены, что дело именно в аквариуме и в рыбах?

– Мне верные люди сказали, что аквариум привезли и рыбок в один день. И знаете откуда?

– Откуда? – упавшим голосом спросил Заразин.

Свитко ответил так тихо, что Овсянников не расслышал.

– Впрочем, теперь уже можно кричать. Теперь всё можно! Кошмар! Кузнечиков, хватай рыбу, режь её! Бей её ногами! Нас подслушали! – кричал Свитко. – Как же так? Ведь я теперь генеральские погоны не получу!

– Как бы чего похуже с нами не случилось, – проговорил Заразин.

– Что вы такое говорите? Не надо меня пугать! – воскликнул Свитко.

– Знаете, о чём ужасном я сейчас подумал? – спросил Заразин своего шефа.

– О чём же?! – стонущим голосом произнёс Свитко.

– О нано-жучках! – выпалил Заразин. – В рыб могут быть вживлены нано-жучки! – воскликнул Заразин. – Их вы не сумеете отыскать. Они очень маленькие.

– Тогда, Кузнечиков, всех этих мерзких рыб собери, отнеси в сортир, и спусти их в унитаз! Пусть эти нано-рыбки сдохнут в канализации! – выкрикивал Свитко.

– Ай! Укусила! – закричал Кузнечиков. – Она прокусила мне палец!

– Всё-таки это пираньи! Иваникин – убийца! Потом окажем тебе помощь, Кузнечиков. А сейчас ты их лови! У тебя и крови-то почти не видно на пальце, – утешал Свитко капитана Кузнечикова.

Послышались шлёпающие звуки и глухие удары. Овсянников догадался, что Кузнечиков пытается поймать или сразу на месте расправиться с рыбами-шпионами.

А затем послышался громкий удар и звон разбитого стекла.

– Вот ему, этому аквариуму! А Иваникина уволить по несоответствию! Пока я ещё начальник, успею! Оснований более, чем достаточно, – пообещал Свитко. – Всех, кто не с нами, – уволить! Срочно потребуйте от Нижина, чтобы начинал аттестацию. Такие типы, как Иваникин, не должны остаться на службе. Пора очистить наше Управление от оборотней в погонах! – кричал Свитко.

– Слушаюсь! – сказал Заразин и уверенно пообещал:

– Можете не сомневаться – очистим Управление!

– Да когда мы всех негодяев уволим, тогда можно будет это дело замять. А то некоторые предатели постоянно строчат на нас жалобы! – не успокаивался Свитко. – Следует срочно избавиться от всех, кто не с нами.

– Проведём аттестацию в кратчайшие сроки и избавимся от всех гадов, – уверил начальника Заразин. – Останутся только преданные вам порядочные сотрудники, такие как Смирнов, Шалавин, Казачков, Нижин и им подобные.

– Кузнечиков, и ты тоже останешься на службе. Слышишь? – пообещал Свитко. – Вот изловишь рыб, уберёшь осколки и останешься. Видишь, как я тебе доверяю! Как родному! Ты уж изволь соответствовать. Ладно, капитан? Я ведь могу тебе доверять?

– Рад стараться! – воскликнул приободрившийся Кузнечиков и верноподданническим голосом спросил:

– А камни и растения куда деть?

– Всё, что осталось от аквариума: разбитые стёкла, растения, камни, термометр, светильник выбросить в мусорный контейнер. Да и от мебели и люстры в кабинете следует избавиться. Кстати, мне недавно новый китель пошили. Вдруг и в нём эти самые нано-жучки? – продолжал нервничать Свитко. – Неужели теперь тем, кто нами занялся, про все наши переговоры с посредниками и откаты всё известно!

– Может, форму нашу в химчистку отдать? – предложил Заразин.

Тут Овсянников вспомнил, что оставил ящик с инструментами возле аквариума и осторожно заглянул в кабинет. Перед ним предстала довольно странная картина.

Полковник Свитко стоял с молотком в руке возле вдребезги рассыпавшегося аквариума. Капитан Кузнечиков ползал на коленях по полу и хлопал тяжёлой зелёной папкой, набитой бумагами, стараясь попасть по скакавшей по ковру серебристой рыбе. На полу лежали, как серебряные блюдца, неподвижные рыбы, уже приконченные ловким капитаном. Заразин с ужасом в глазах наблюдал за происходящим. Кузнечиков прибил вёрткую рыбину увесистой папкой, и та перестала весело прыгать.

– Всех прибил, Кузнечиков? – поинтересовался Свитко.

– Одна гадина под диван заскочила, – доложил капитан.

– Отодвинь диван и прибей её! – приказал побледневший Свитко. – А потом всех рыб сложи в ведро, а потом спусти в унитаз.

Кузнечиков сдвинул диван, однако рыба, оказавшаяся на виду, поспешила снова запрыгнуть под диван.

– Это именно в ней нано-жучок! Не случайно она так бодро скачет, – проговорил Свитко.

– Кузнечиков, лови её! – азартно крикнул Заразин. – Или не пройдёшь аттестацию!

– Кузнечиков, честное слово, я награжу тебя, – пообещал Свитко.

На вошедшего в кабинет Овсянникова сначала никто не обращал внимания, но потом его заметил хозяин кабинета и испуганно спросил:

– Ты давно здесь стоишь?

– Нет, только зашёл, – поспешил уверить его Овсянников.

– Зачем? – подозрительно поинтересовался Свитко.

– Мне бы молоток свой забрать. Да и остальные инструменты тоже, – сказал Овсянников.

– Бери и уходи. Кузнечиков здесь всё сам уберёт, – сказал Свитко, протягивая Овсянникову молоток.

– Да. Проваливай отсюда! Здесь на столе лежат конфиденциальные документы и посторонним нечего тут стоять с разинутым ртом, – грубо сказал полковник Заразин.

Олег действительно даже приоткрыл рот, наблюдая за тем, как дежурный отодвигает в очередной раз диван, а рыба, завидев над собой страшную зелёную папку с красными тесёмками, подпрыгивая, снова проворно удирает под диван.

Овсянников поспешил убрать молоток в инструментальный ящик и вышел из кабинета. Он вынес ведро в туалет и вылил воду в унитаз, потом вернулся в приёмную и, забрав с собой ящик с инструментами, вышел в коридор. Перед тем как покинуть приёмную, он расслышал голоса, доносившиеся из кабинета Свитко.

– Ты знаешь, чем ты сейчас её убил? – спросил Свитко.

– Папкой с бумагами, – немного растерявшись, сказал Кузнечиков.

– Папкой с бумагами! – передразнил капитана Свитко и, тихо проговорил:

– А ты хоть знаешь, что там за бумаги? Там все наши последние контракты!

– Контракты? – полушёпотом спросил Заразин. – Это те самые контракты, до которых ещё не добрались проверяющие?

– Да. Я их подписал, но теперь они не должны попасть в руки членов комиссии. Кузнечиков! Придётся не только убрать осколки и рыб в унитаз спустить, но и порезать все документы из этой папки. Сейчас же уничтожь бумагу! – приказал Свитко.

Овсянников вернулся в свой кабинет и закрыл дверь на ключ. Потом он сел за стол и быстро сделал карандашный набросок аквариума с рыбками. Он уже представлял, какой будет картина с ещё целым аквариумом с живыми серебристыми рыбами и красивыми зелёными растениями.

Овсянников любил животных. У него дома жили три маленьких хомячка джунгарской породы. Клетка с хомячками стояла в гостиной на небольшом столике возле окна.

Олег мечтал со временем снова развести аквариумных рыбок. В последнее время нервы у него стали сдавать, а он помнил, как его успокаивали медленно плававшие в аквариуме красивые рыбки. Поэтому ему было жаль тех серебристых рыб, которые погибли сегодня.

Он уже было решил взяться за кисти, однако, взглянув на часы, передумал. Было уже поздно. Рабочий день закончился, а оставаться в Управлении до позднего вечера ему не хотелось. Олег решил взять набросок к себе домой.

Овсянников положил набросок в просторную сумку, надел куртку и вышел на улицу.

Стояла ранняя весна. Было прохладно. В воздухе стоял запах сырого снега и душных выхлопных газов. Олег надел шапку и поспешил к метро.

К восьми часам вечера он добрался до своего дома, спрятавшегося в кривом арбатском переулке. Дверь ему открыла мать.

– Поешь, – предложила мать, – Я тебе ужин приготовила.

– Мне некогда, – сказал Олег.

– Тебе всегда некогда, – проворчала мать.

Олег прошёл в свою комнату мимо тётушки, которая сидела на диване в гостиной и смотрела телевизор.

Овсянников сел за мольберт и достал кисти. Он быстро воссоздал по памяти интерьер кабинета начальника Управления, а вот изобразить рыб, похожих на пираний, которые плавали в аквариуме, ему долго не удавалось.

Олег взглянул на часы, которые показывали полночь. И тут он почувствовал, что проголодался. Едва Олег вышел из комнаты, как на него набросилась тётка.

– Ты всю квартиру провонял своими красками. Это же кошмар! Сейчас же прекрати рисовать! – потребовала Варвара Григорьевна.

– На сегодня я уже закончил – сказал Олег.

– А, так ты собрался ещё и завтра рисовать картину и изводить меня отвратительным запахом краски? – с возмущением закричала Варвара Григорьевна.

– Не рисовать, а писать картину, – поправил тётку Олег. – И не только завтра, но и послезавтра я тоже буду этим заниматься. У меня впереди два выходных дня.

– Ты не посмеешь! – взвизгнула тётка.

– Не кричите. Уже полночь. Соседей разбудите.

– Ты не будешь рисовать дома! – тише, но упрямо сказала Варвара Григорьевна.

– Вы запрещаете мне писать картину у себя дома? Ещё как буду! А вы лучше форточку откройте в своей комнате.

– Что?! – спросила, грозно надвигаясь на щуплого племянника Варвара Григорьевна.

– Это мой дом! Не нравится, уезжайте к себе! – не выдержав, повысил голос Овсянников.

– Ах, так! Ты, значит, вот так?! Ты так посмел? – задыхаясь от гнева, прохрипела Варвара Григорьевна.

– Из-за чего шумите? – зайдя в гостиную, спросила мать.

– Олег твою сестру гонит! – скривилась Варвара Григорьевна.

– Да ты что, Олег? Как же так можно?! – всплеснула руками Людмила Григорьевна.

– Она мне запрещает в моей комнате писать картины маслом. Если ей не нравится запах краски, пусть уезжает, – пожав плечами, сказал Овсянников.

– Ну, зачем тебе эти масляные краски? Олег, неужели ты не можешь писать картины акварелью или гуашью? – спросила мать.

– Нет. Я буду писать маслом! – упрямо заявил Олег.

– Тогда я уеду! Уеду и больше не вернусь! – застонала Варвара Григорьевна и, вытащив из кармана своей фиолетовой кофты платок, приложила его к глазам и принялась неестественно рыдать.

– Что ты, Варенька, как же так можно? – запричитала Людмила Григорьевна и замахала рукой на сына, предлагая ему уйти в свою комнату.

– Я хочу есть и пойду на кухню, – заявил Олег.

– Верно... Олег, ступай! – сказала Людмила Григорьевна.

– Да от тебя даже здесь воняет красками! У тебя вся одежда пропахла. Я сейчас потеряю сознание! – простонала Варвара Григорьевна.

– Тётя Варя, теряйте сознание, сколько хотите! – Олег махнул рукой и прошёл на кухню.

– Люда, чем занимается твой сын? Это же совершенно бесполезное занятие – рисование, – сказала Варвара Григорьевна. – На этом не заработаешь. Посмотри, сколько в Москве художников, и большинство из них не могут продать свои картины. Твой сын, поверь мне, плохо рисует. Ему надо было учиться.

– Хоть он и не учился, но пишет картины хорошо. У него талант, – сказала Людмила Григорьевна.

– Нет у него никакого таланта. Поверь мне, его ожидает нищета. Кто он такой? Таких арбатских художников пруд пруди.

Людмила Григорьевна побледнела и сухо произнесла:

– Варвара, завтра же утром уезжай! Я больше не хочу тебя видеть.

Варвара Григорьевна захлопала глазами, а потом зарыдала.

– Уезжай, Варвара! – повторила хозяйка квартиры.

– И уеду! – злобно сверкнув глазами, процедила сквозь зубы Варвара Григорьевна. – А ты здесь дыши мерзкими красками. Смотри, аллергию не заработай, сестрица! А твой сын будет нищим! Невезучий он у тебя. Какой он художник? Обыкновенный подсобный рабочий!

Варвара Григорьевна прошла в комнату, где она поселилась, и громко хлопнула дверью.

Людмила Григорьевна прошла в комнату сына и стала рассматривать незаконченную картину.

– Я верю – ему улыбнётся удача! – проговорила мать.

Она посмотрела в окно на росший во дворе тополь, ветви которого стучали по оконному стеклу. Вокруг рыжего фонаря закружились снежные хлопья.

– Мой Олег – талантливый, но пока неизвестный арбатский художник, – прошептала Людмила Григорьевна и, встрепенувшись, воскликнула:

– Ужин-то остыл! Надо подогреть котлеты и заварить свежий чай...

Юрчиков вернулся домой в плохом расположении духа.

– Катя, ужин готов? – повесив куртку на вешалку, спросил Сергей.

– Нет. Я сама недавно пришла с работы, – откликнулась Катя с кухни.

– Где сын?

– Денис пошёл в бассейн. Сегодня пятница. Ты забыл, что у него абонемент?

Сергей прошёл в кухню и сел за стол.

– Сейчас сосиски сварю, – засуетилась Катя.

– Глупо всё, как-то, получается, – пробормотал Сергей.

– У тебя неприятности на службе?

– Да. Меня могут уволить, – сказал Сергей.

– Тебе давно самому надо увольняться. У тебя появится больше свободного времени.

Продолжишь писать фантастику.

– Я вот о чём подумал. У меня есть друг – Олег Овсянников. Он хороший художник.

Что, если его попросить сделать несколько рисунков к моему роману?

– Переговори с ним. Хоть на полку красивую книгу поставим.

– Просто поставим на полку и – всё? – расстроился Юрчиков.

– Потом внуки прочитают твою книгу и удивятся, как сочинял их дед.

– У нас ещё нет внуков.

– Время быстро бежит, – сказала жена.

– Я обязательно завтра встречу с Олегом и поговорю с ним об иллюстрациях к моему роману, – решил Сергей и принялся есть сосиски...

На следующее утро Юрчиков созвонился с Овсянниковым. Олег сказал, что ждёт Сергея во второй половине дня в воскресенье, когда он, наверняка, закончит свою очередную картину.

В воскресенье Юрчиков поехал в гости к Олегу.

Он зашёл в подъезд девятиэтажного кирпичного дома и на лифте поднялся на четвёртый этаж.

Юрчикова радушно встретили хозяева – Олег и его мать, которая предложила гостю пообедать.

– Спасибо. Я уже обедал, – отказался Юрчиков.

– Ты вовремя приехал. Я только что закончил картину. Пойдём, я тебе её покажу, – предложил Олег.

В комнате Овсянникова пахло масляными красками. К стене был приставлен холст, на котором был изображён аквариум с крупными серебристыми рыбами и ярко-зелёными водными растениями, стоявший на тумбе в окружении пальм в кадках.

– Аквариум похож на тот, который стоит в кабинете начальника Управления, – отметил Юрчиков.

– Позавчера мне довелось побывать в этом кабинете.

– Рыбы на картине, словно живые!

– Представь, эти рыбы ещё вчера действительно были живыми, а этот аквариум – целым.

– Что с ними случилось?

– Аквариум разбил вдребезги моим молотком сам Свитко, а рыб он приказал дежурному офицеру спустить в унитаз.

– Зачем? – удивился Юрчиков.

– Они с Заразиным искали подслушивающие устройства. Свитко подумал, будто аквариум у него на прослушке. Так что, рыбы, изображённые на этой картине уже мертвы, – грустно произнёс Овсянников.

– Жаль рыбок! Они – первые жертвы в борьбе с коррупцией в нашем Управлении.

– Свитко считал, будто эти рыбки – пирании. Действительно они похожи на пираний.

Между прочим, одна из них тяпнула за палец дежурного.

– Значит, в кабинете начальника Управления состоялась схватка между силами света, которые олицетворяли кусачие аквариумные рыбки, и силами тьмы в лице наших начальников.

– Похоже на то...

– Что ж, если ты завершил работу над картиной с героическими рыбками, то прочитай мой незаконченный фантастический роман. Названия я пока не придумал, – сказал Юрчиков и протянул Овсянникову флешку.

– Обязательно прочитаю. Наверно интересно писать фантастику?

– Очень. Я испытываю восторг, описывая придуманные миры. Порой мне кажется, что не только герои моих произведений, но и я сам присутствую в этих мирах. Кстати, я хочу тебя попросить сделать рисунки к моему роману.

– С удовольствием прочитаю и сделаю иллюстрации, – пообещал Овсянников.

Попрощавшись с Олегом и Людмилой Григорьевной, Сергей вышел на улицу и направился к метро по извилистым арбатским переулкам. От быстрой ходьбы у Сергея закололо сердце. Он положил таблетку под язык и немного постоял. Боль прошла, и он продолжил путь.

«Может, не дожидаясь аттестации, уволиться со службы и заняться творчеством?», – подумал Юрчиков, входя в продуваемый пронизывающим ветром, вестибюль старой станции метро «Арбатская»...

Утро понедельника в Управлении началось с переполоха.

По центральному административному корпусу распространилось зловоние, исходившее из расположенного на третьем этаже мужского туалета.

– Что это за вонища?! – закричал вбежавший в приёмную начальника Управления полковник Заразин, обращаясь к дежурному офицеру.

К несчастью для капитана Кузнечикова ему снова пришлось заступить на дежурство в понедельник.

– Не могу знать! – вскочив с места, выкрикнул капитан, у которого на правой руке был перебинтован указательный палец

– А кто должен знать?! Почему до сих пор не вызвали сантехника? – нахмурившись, спросил Заразин.

– Сегодня сантехник не вышел на работу. Он заболел, – сообщил капитан.

– Тогда вызови сотрудников хозяйственного отдела, а если никого не найдёшь – сам будешь устранять засор. Дожили! На этаже, где находится кабинет начальника Управления, вонища стоит, словно в сортире. Сотрудники стороной кабинет начальника обходят.

– Сотрудники всегда стороной его кабинет обходят, – заходя в приёмную, сказал заместитель начальника Управления по науке полковник Корольков – полный румяный голубоглазый блондин с аккуратной русой бородкой.

Его налитое мощное тело едва умещалось в форму. Незаурядные способности и природный ум позволили ему занять место заместителя по науке ещё при прежнем руководстве, а сейчас он томился от некомпетентности начальника и пришедших с ним в Управление остальных его заместителей, которых он называл «борцами с умом».

Корольков повёл носом и почти весело сказал:

– Что, загниваем?

– Похоже, вы этому радуетесь? – скривил губы Заразин.

– Начальник у себя? – спросил дежурного Корольков.

– Он задерживается.

– У нас что-то странное происходит, – сказал Корольков, усаживаясь в кресло возле окна. – На той неделе всё здание едим дымом пропиталось, а теперь из сортира несёт тухлой рыбой.

– Мне всё ясно! – воскликнул Заразин. – Эти два негодяя, поджигавшие мусорный контейнер, теперь специально устроили засор в туалете!

– О каких негодяях вы говорите? – спросил Корольков.

– Так вы не в курсе! Так вот, знайте – у нас появились сотрудники-поджигатели!

– Кто-то в контейнер бросил окурки? – предположил Корольков.

– Если бы окурки! Юрчиков и Амбаров умышленно подожгли мусорный контейнер. Их надо уволить, – пообещал Заразин.

– Так уж сразу и уволить! Может, сначала следует разобраться?

– Что там разбираться! У меня рапорт полковника Смирнова на столе лежит. Там всё ясно изложено, – сообщил Заразин.

– Так ведь всем известно, что наш пожарный – изворотливый подлец, – заметил Корольков. – Он лживый человек. Всё время рыщет по территории, чтобы на кого-нибудь донести.

– Как вы можете так говорить?! Это преданный руководству сотрудник! Он чрезвычайно нужный нам человек.

– Так вы полагаете, будто и засор в туалете устроили Юрчиков и Амбаров?

– Да. Наверняка, это сделали они. Или же у них здесь есть сообщники, – заявил Заразин.

– Какие ещё сообщники? – поморщился Корольков.

– К примеру, Иваникин!

– Иваникина который день нет на службе, – напомнил Корольков.

– Но ведь раньше не было засоров в канализации! – заметил Заразин и спросил:

– Кузнечиков, почему не принимаешь мер? Сейчас же вызывай того, монтажника, который был здесь в пятницу! – приказал Заразин.

– Слушаюсь! – закричал Кузнечиков.

Спустя несколько минут в приёмную зашёл Овсянников, держа в руках ящик с инструментами.

– Срочно прочистить канализацию в мужском туалете! – приказал ему Заразин.

– Я не сантехник. Это не входит в мои обязанности, – сказал Овсянников.

Тут из коридора послышался нечеловеческий вопль и в приёмную ворвался раскрасневшийся полковник Борзенко.

– Там рыба! – закричал он с порога.

– Какая рыба? – спросил Заразин.

– Крупная серебристая рыбина. Она сейчас плещется в унитазе. Я почувствовал её холодное прикосновение и, поднявшись, увидел её!

Корольков от души расхохотался и спросил:

– Откуда в сортире взялась живая рыба?

– Значит, она не сохла... Она выжила! – в ужасе проговорил Заразин и посмотрел сверлящим взглядом на Кузнечикова.

– Я бросал в толчок дохлую рыбу, – произнёс побледневший дежурный.

– Вот он, сообщник тех злодеев, а, возможно, и самого Иваникина! – сказал Заразин, указывая рукой на Кузнечикова.

– Нет! – закричал капитан, словно его уличили в измене.

– Так это ты живую рыбу выпустил в унитаз?! – побагровел Борзенко.

– Это были пираньи из аквариума начальника Управления, – сообщил Заразин. – В пятницу одна пиранья дежурного за палец укусила. Видите, у Кузнечикова палец перебинтован.

– Что?! Пираньи?! Да они же могли меня... Они могли мне... Ты ответишь за это, капитан! – заорал Борзенко.

Кузнечиков переводил взгляд с погон одного разъярённого полковника на другого и мелко дрожал.

Овсянников заулыбался, а Корольков давился от смеха.

– Так вот откуда ты взял пираний, несчастный! – сказал Корольков, держась за свой круглый живот.

– Это рыбы из ак... ак... аквариума, – начал заикаться Кузнечиков.

– Но зачем ты их выпустил в унитаз? – перестав смеяться, поинтересовался Корольков.

– Свитко велел. Полковник Заразин при этом присутствовал, – пролепетал Кузнечиков.

– Молчи, капитан! Больше – не смей называть фамилии, – предупредил дежурного Заразин.

- В общем, это я аквариум чистил и нечаянно его разбил, – проговорил капитан.
- А пираний ты в сортир выпустил? Ай, молодец! – снова захохотал Корольков.
- Так вот почему везде тухлой рыбой воняет, – догадался Овсянников. – Видно, только одной рыбке удалось выжить, а в других унитазах рыбы подохли, и засор получился.
- А ну, капитан, живо вылавливай пиранью из толчка! – завопил Борзенко.
- Ты, Кузнечиков, в самом деле, иди в сортир и вытаскивай из унитаза пиранью, – перестав смеяться, сказал Корольков. – А то ведь так следующему посетителю и впрямь пираньи что-нибудь оттяпают!
- Да никакие это не пираньи были в аквариуме, – принялся защищать рыб Овсянников.
- А кто палец прокусил Кузнечикову? – спросил Заразин.
- Рыбы, и впрямь кусачие. Но настоящая пиранья оттяпала бы ему палец. Ну, а если это в самом деле, пираньи, то зачем вы дежурного заставляете в унитазе рыбу ловить? Чем он её поймает? – заступился за капитана Овсянников.
- Ты молчи! Ты вообще никто, монтёр! – прошипел Заразин.
- Может, Кузнечикову ещё и удочку дать, чтобы он сидел возле унитаза и ловил рыбу?! – закричал Борзенко.
- Тут в коридоре послышались крики:
- Рыба! Рыба! Несите ведро!
- Вот ведро. Хватай её!
- Надо же! Она сама из толчка сиганула на пол, а потом в ведро запрыгнула.
- Спустя несколько минут в приёмную ворвался подполковник Казачков, державший в руке ведро с водой, а за ним в дверях показалась уборщица.
- Ведро потом обязательно верните! – потребовала уборщица.
- Да я его сейчас же вам верну, – пообещал Казачков и обратился к Заразину:
- Разрешите выпустить рыбу в аквариум? Я знаю, у начальника Управления в кабинете стоит аквариум.
- Аквариума больше нет. А ведь вы, Казачков, сейчас поймали необычную рыбу! Возможно, оно – в ней, – тихо проговорил Заразин.
- Что в ней? – не понял Казачков.
- Заразин не успел ответить, потому что в приёмную зашёл начальник Управления.
- Казачков, почему у вас в руках ведро? Что здесь происходит? И почему такой отвратительный запах стоит на нашем этаже? – недовольно спросил Свитко.
- Одна рыба всё же выжила, – сообщил Заразин, кивая на ведро.
- Как выжила? – прошептал побледневший Свитко.
- Я её увидел, когда она из унитаза выпрыгнула, – сообщил Казачков.
- Это она за Борзенко погналась, – сказал Корольков. – Я слышал, что пираньи, если уж выбрали жертву, то будут её преследовать везде, пока не поживятся плотью.
- Какой ещё плотью? – хмуро спросил Борзенко.
- Корольков не ответил, а только махнул рукой и разразился хохотом.
- Так как аквариума нет, то эту рыбу некуда выпускать. Пусть в ведре плавает, – предложил Кузнечиков.
- Тогда я оставлю ведро с рыбой здесь, а вы другое ведро возьмите, – сказал уборщице Казачков и обратился к начальнику Управления:
- Разрешите идти?
- Идите, – кивнул начальник Управления.
- Казачков и уборщица вышли из приёмной.
- Свитко прошёл в свой кабинет. Спустя несколько секунд оттуда донёсся его возглас, похожий на сдавленное рычание. Затем послышался грохот.

Заразин, Борзенко и Кузнечиков бросились в кабинет начальника. Корольков перестал смеяться и проводил их удивлённым взглядом.

– На помощь! – послышался из кабинета крик Заразина.

Овсянников заглянул в кабинет.

– Да не ты нужен, а врач! – закричал Заразин.

Изумлённый Овсянников увидел стоявший на своём месте, среди кадок с пальмами, аквариум, в котором плавали серебристые рыбы, точь-в-точь такие же, которые жили в разбитом вдребезги аквариуме. Даже водные растения в нём были такие же – изумрудно-зелёные. Борзенко и Кузнечиков подняли с ковра начальника Управления и усадили его в кресло.

Свитко приоткрыл глаза и тихо спросил:

– Откуда здесь взялся этот проклятый аквариум и рыбы? Ведь он же разбился в пятницу!

– Дежурный! Откуда здесь взялся аквариум! Отвечайте! – потребовал Заразин. – Его здесь в пятницу вечером не стояло!

В это время Овсянников оставил ящик с инструментами в приёмной, занёс в кабинет ведро, выхватил из него вяло плававшую рыбу и бросил её в аквариум. Рыба вильнула хвостом и затерялась среди своих сородичей.

– А-а-а! – закричал Заразин.

– Зачем? – прошептал Свитко.

– Рыбку жалко. В ведре бы она сдохла, – объяснил Овсянников.

– Вон отсюда! – брызгая слюной, заорал на него Борзенко.

Овсянников собирался уйти с пустым ведром, но Заразин закричал ему:

– Стоять! Молчать! Отвечать!

– Что вам угодно? – спросил Овсянников.

– Молчать! Отвечать! Стоять! – снова закричал Заразин.

– Прекратите на меня кричать, – потребовал Овсянников. – Я вольнонаёмный служащий, а не офицер.

Заразин, а заодно с ним Свитко и Борзенко задохнулись от переполнявшей их злобы.

В кабинет зашёл Корольков.

– Как я понял, у вас тут появился новый аквариум? – спросил Корольков.

Свитко и Заразин хмуρο смотрели на аквариум. Борзенко испепелял взглядом Овсянникова.

– Я уже просмотрел журнал в приёмной. Дежуривший в субботу майор Васильков сделал запись, что в девятнадцать часов приехали сотрудники из нашего министерства и других ведомств. Они установили и оборудовали аквариум. Прибыли даже генералы. Васильков не мог не впустить их в ваш кабинет. Там записано, что этот аквариум и рыбы – подарок к полувековому юбилею нашего Управления.

– Ты почему сразу не прочитал записи в журнале, бездельник? Ты почему молчал до сих пор?! – накинулся на Кузнечикова Заразин.

– Откуда в Управлении стало известно, что в пятницу мой аквариум разбился? – едва шевеля губами, спросил Свитко и залпом выпил стакан воды, который ему поднёс Борзенко.

– Просто вам решили сделать подарок, – сказал Корольков.

– Какой же это подарок? Это прямой намёк, что они меня так просто не оставят. Они узнали, что аквариума больше нет и тут же прислали новый. Мы с вами под колпаком! – проговорил Свитко.

– Монтёр, лови сейчас же рыбу, которую ты выпустил в аквариум! – приказал Заразин Овсянникову.

– Вы бы лучше рыбок покормили, а то когда они голодные, то злые. Ещё покусают вас, – сказал Овсянников и вышел из кабинета.

– Нельзя брать на работу гражданских сотрудников. Всех вольнонаёмных служащих – уволить! Зачем их на работу брали? – с негодованием сказал Борзенко.

– Так ведь вольнонаёмных работников ещё прежнее руководство набирало согласно штатному расписанию, – заметил Заразин.

– Надо исправлять ошибки прежнего руководства, – назидательным тоном произнёс Борзенко.

– Да о чём это вы тут рассуждаете? Лучше подскажите, что теперь делать с рыбами и новым аквариумом? – спросил Свитко.

– Да взять молоток и снова по нему стукнуть! – предложил Заразин.

– Теперь это невозможно. Это подарок вышестоящего руководства, – вздохнул Свитко. – К тому же сразу станет понятно, что мы хотим избежать прослушивания.

– Можно общаться в моём кабинете, и там проводить все конфиденциальные совещания, – предложил Борзенко.

– Думаю, что и ваши кабинеты тоже под контролем, – скривив губы, произнёс Свитко.

– Давайте будем в коридоре все вопросы решать, – предложил Заразин.

– Может, туда ещё и стол мой вынести, чтобы всё сотрудники надо мной ржали! – разозлился Свитко и вышел в коридор.

Борзенко и Заразин последовали за ним. Корольков вернулся приёмную и снова расположился в кресле. Капитан Кузнечиков сел за стол, уставленный телефонами, и принялся лихорадочно перелистывать журнал, просматривая записи предыдущих дежурных.

– Ничего не делать. Никаких новых договоров не готовить, все старые контракты пересмотреть. Действовать будем осторожно, – тихо сказал Свитко своим соратникам.

– Нам главное от всех оборотней в погонах избавиться, – сказал Заразин.

– А заодно и от всех гражданских лиц, – добавил Борзенко.

– Проведём аттестацию без шума, но эффективно. Со всеми посчитаемся! – пообещал Свитко.

Овсянников был удивлён появлением нового аквариума в кабинете начальника Управления.

Вернувшись домой, он долго смотрел на свою картину. Странно, но картина, которую он написал за выходные, неожиданно воплотилась в жизнь. Серебристые кусачие рыбки снова плавали в аквариуме начальника Управления. Возможно, это было совпадение или же чьи-то происки, как это предполагали начальники.

Олег позвонил Юрчикову.

– Как у тебя дела? Я тебя сегодня не видел в Управлении.

– Я заболел и ездил в поликлинику. Сделали уколы, но повышенное давление не спадает, – сказал Сергей.

– Что-то многие сотрудники болеют.

– С такими начальниками можно инфаркт заработать.

– Поправляйся, а то мне на работу стало противно ходить. Поговорить по душам не с кем. Наши начальники совсем свихнулись из-за аквариума, – пожаловался Овсянников.

– Они чувствуют, что их скоро выведут на чистую воду, вот и ведут себя соответственно.

– Представляешь, тот аквариум, который в пятницу Свитко разбил молотком, я изобразил на картине очень правдоподобно. И, представь себе, аквариум снова появился в кабинете Свитко.

– Его так быстро заменили? – изумился Юрчиков.

– Да. Аквариум привезли в субботу без ведома нашего руководства. Говорят, его подарили в честь юбилея нашего Управления.

– И что в этом особенного? Если подарили аквариум, само собой напрашивается, что надо подарить рыб и растительность.

– Так в том-то и дело, что рыб запустили в аквариум точь-в-точь таких же, какие и до этого в нём плавали. И растения те же самые, изумрудно-зелёные, в том же углу посажены.

– Это совпадение или кто-то видел этот аквариум ранее.

– Мне кажется, будто это произошло из-за моей картины. Я ведь очень хотел восстановить тот аквариум, да и рыб мне было жалко, – сказал Овсянников.

– Выходит, ты от души хотел, чтобы аквариум вернулся на прежнее место.

– Но ведь это мистика! Впрочем, хватит рассуждать об аквариуме. По пути домой я в метро начал читать твой роман. Увлекательная вещь! Я сегодня же стану делать иллюстрации к твоей книге.

– Не торопись. Завтра я тебе обязательно позвоню. Спокойной ночи! – попрощался Овсянников.

Юрчиков в ту ночь спал плохо. Сновидения, посещавшие его, были удивительными. Во сне он видел заснеженные равнины и горы, ледники и пещеры, странных животных и низкорослые причудливые растения, которые росли на ледяном ветру среди камней и снега. Над чужим ледяным миром лишь ненадолго всходило платиновое светило. Потом там снова сгустилась тьма, и лютый мороз царствовал над заснеженным миром. Юрчиков ощущал этот мороз и отчётливо видел заснеженный пейзаж, освещённый тусклой рыжей огромной луной. Он видел на небе незнакомые ему созвездия и слышал звуки далёкого мира: рёв зверей, крики белоснежных птиц, у которых было две пары крыльев, а ещё он слышал членораздельную речь удивительных существ, тела которых были покрыты белой шерстью.

Похоже, это были разумные существа. Они не обращали на Юрчикова внимания. Он ощущал себя бесплотным духом, неведомым образом оказавшимся в далёком мире. Он воспарил над заснеженным миром и увидел край диска платинового светила, показавшегося над горным хребтом. Наступало чужое утро. И тут Сергей с замиранием сердца стал падать с огромной высоты...

Он свалился с кровати на пол и проснулся.

И тут он вспомнил свой странный сон и понял, что отчётливо видел мир, который сам придумал и описал в романе.

С кровати вскочила перепуганная жена. Она склонилась над ним и принялась трясти его за плечо.

– Я так испугалась, услышав грохот. Как ты оказался на полу? – спросила Катя.

– Я сейчас видел удивительный сон! – сказал Сергей, поднимаясь с пола. – Мне снился мир, который я описал в своём романе. Я всё видел, словно наяву. Я парил над чужим миром, а потом стал падать...

– Ты переутомился. И сам проснулся, и мне лишние полчаса не позволил поспать, – грустно произнесла Катя, глядя на будильник.

Проводив Катю на работу, а сына в школу, Юрчиков набрал номер рабочего телефона Овсянникова.

– Привет, Олег! – сказал Юрчиков.

– Сергей, это ты? – послышался сонный голос Овсянникова.

– Да. Сегодня мне приснился удивительный сон. Мне надо тебе рассказать, что я видел во сне. Тебе это поможет сделать рисунки. Кстати, теперь я собираюсь дополнить свой текст некоторыми подробностями. Давай встретимся вечером.

– Я почти всю ночь не спал и успел сделать четыре небольшие иллюстрации к твоей книге.

– С нетерпением ожидаю их увидеть.

– Я взял их с собой на работу и собирался их сегодня предъявить тебе на суд. Я заеду к тебе вечером.

Вечером Овсянников заехал к Юрчикову домой. Друзья расположились на кухне. Олег показал Сергею свои рисунки.

– Удивительно! Во сне мне привиделись те же самые пейзажи, которые я описал в романе. А ты дополнил мою будущую книгу некоторыми подробностями. Я хорошо запомнил созвездия на ночном небе той планеты, которые видел во сне. Они точно такие же, как и на твоих рисунках. Да что звёзды! Горная гряда, над которой поднималось чужое светило, я видел точно такой же, какой ты её изобразил, – изумился Юрчиков. – Сегодняшней ночью я побывал в том мире!

– Я писал картины такими, какими я их себе представлял. В своём воображении я отчётливо представил пейзаж и странных существ, населяющих придуманный тобой мир, – рассказал Олег.

– А это что за рисунок? – заинтересовался Юрчиков, увидев необычный пейзаж. – Я не описывал столь обширную водную поверхность. На единственном континенте той планеты лежат вечные снега. Там не бывает, в нашем понимании, весны и лета. В моём романе на Бригде все водоёмы, кроме Великого Южного океана, покрыты вечным льдом, а на твоём рисунке видно озеро, в которое впадают ручьи. Наверняка, ручьи горячие, потому что над ними поднимаются испарения... Откуда ты взял такой пейзаж? Вспомнил про тёплые источники на Земле? А это что за романтическая встреча двух зензиков – юноши и девушки на берегу озера? Они сидят на заснеженном берегу под корявыми ветвями каменного дерева и глядят на поднимающиеся над водной гладью испарения.

– Под утро я всё же заснул, и мне приснилось, как на берегу озера сидят покрытые белой шерстью два существа, которых ты назвал зензиками. Они сидят, обнявшись, под деревом, которое такое же, как и описанное в твоём романе – у него покрытый инеем ствол и ветви без листьев.

– Думаю, теперь мне предстоит внести изменения в книгу. Видимо, мои герои начинают жить своей жизнью, которую ты стал видеть во сне.

– Я постараюсь больше не усложнять тебе труд.

– Наоборот, сделай как можно больше рисунков, – попросил Юрчиков.

Вернувшись домой, Овсянников направился в свою комнату. Мать зашла в комнату следом за ним.

– В последнее время ты мало ешь и почти не спишь, – обеспокоенно сказала Людмила Григорьевна.

– Мне некогда, – сказал Олег, доставая краски.

– Я не рада, что ты так увлёкся иллюстрациями к чужой книге.

– Этот роман написал мой друг.

– Пусть так. Но ты забросил своё творчество, не говоря уже о том, что ты нарушаешь распорядок дня и голодаешь. Раньше ты был художником, а теперь стал иллюстратором, – недовольно сказала Людмила Григорьевна.

– Я иллюстратор фантазий моего друга. Я не только воплощаю на рисунках образы, созданные Сергеем. Этой ночью, во сне я, будто наяву, оказался в придуманном им мире. Между прочим, я начинаю участвовать в сотворении того мира. Это так здорово! – с воодушевлением произнёс Олег.

– Всё-таки я принесу тебе ужин в комнату, а спать ты сегодня ляжешь не позже полуночи. Я проконтролирую, – пообещала Людмила Григорьевна.

Глава 2. Няяву или во сне?

Прошло несколько дней. Юрчиков вышел на службу.

Он продолжал работать над романом по выходным. Овсянников делал к нему иллюстрации.

То время, которое Юрчикову удавалось выкроить для сна, он проводил в странном полузабытьи. Он засыпал в кровати у себя дома и тут же оказывался в странном студёном мире, который он описал в романе.

Вскоре стало происходить нечто странное. Однажды Олег рассказал Сергею о своём сне, который в точности совпадал с тем, что той же ночью привиделся Юрчикову.

– Ты представляешь, я видел то же самое, что и ты! – изумлялся Овсянников, когда друзья встретились в кафе. – Неужели такое может быть?

– Это удивительно, – запив бутерброд с сыром стаканом яблочного сока, проговорил Юрчиков. – Между прочим, после того, как ты стал делать рисунки к моему роману, описанный в нём инопланетный ледяной мир ожил. Порой мои сновидения настолько реальны, что не могу понять, вижу ли я чужой мир няяву или во сне.

– У меня такие же ощущения. Во сне я вижу удивительные подробности того ледяного мира, – кивнул Овсянников.

– А как ты собираешься назвать свой роман? Ведь у него до сих пор нет названия. Может, «Мир вечного льда» или «Планета льда и снега»? – предложил художник.

– Думаю, что лучше подойдёт название «Среди снегов и тьмы».

– Хорошее название, – согласился Олег. – Только долгая тьма и короткий день там бывает не всегда. В ледяном мире должно наступить лето.

– Лето на Бригде холодное и снега и льды там не сходят даже в относительно тёплое время года.

– Да уж, придумал ты планетку! Не мог в более тёплое место поместить зензибов? Всё-таки они разумные существа. Как они там вообще выживают, бедняги?!

– У них особый состав крови и густая шерсть. А обитают они на единственном континенте, расположенном в высоких широтах северного полушария Бригды. Умеренные широты, тропики, экваториальная зона и всё Южное полушарие занято огромным океаном, вода в котором очень холодная. Правда, летом океан на Бригде не везде покрыт льдом.

– Мне сложно делать иллюстрации, используя, в основном, белую и чёрную краски. Если бы не полярное сияние, рыжая луна, золотистые звёзды да тусклое платиновое светило, другие краски бы не потребовались.

– Обещаю: следующие мои миры будут более красочными, – пообещал Юрчиков.

– Интересно, есть ли где-нибудь в космосе эта планета или она существует лишь в нашем воображении? – задумался Овсянников.

– Думаю, что Бригда реально существует, – сказал Сергей.

– Я с нетерпением жду ночь, чтобы уснуть и снова попасть на ту далёкую планету, – признался Овсянников и спросил:

– Когда ты завершишь роман?

– На днях. Скоро влюблённые зензибы – юноша Ирмон и девушка Кризильда найдут своё счастье на затерянном островке среди Южного океана.

– Ты решил отправить героев своего романа в плавание? Но ведь у зензибов нет кораблей, а из каменных деревьев им не удастся построить даже плот.

– Прочитай очередную главу и тогда всё узнаешь, – сказал Юрчиков, протягивая Овсянникову флешку с текстом.

Они расстались и разъехались по домам.

Овсянников за весь вечер так и не успел прочитать ни строчки романа Юрчикова.

Ночью Олегу приснился очередной сон. Он увидел пещеру, в которой от бушевавшей снаружи пурги укрылись четыре зензиба. Среди них была юная особа женского пола. Это была Кризильда. Рядом с ней на большом камне сидел юноша Ирмон, сжимавший в правой руке копьё, сделанное из ровной ветки каменного дерева. За спиной у него висел кожаный мешок. У выхода из пещеры на валунах устроились два зензиба, сжимавшие в руках копьё. На зензибах, поросших густой и длинной белой шерстью, из одежды был лишь кожаный пояс и набедренный кожаный фартук.

Два зензиба дежурили у входа в пещеру не просто так. Именно во время разыгравшейся пурги из снега выбираются хищные иргроны, поросшие чёрной длинной шерстью. В безмятежно спокойное безветренное время днём, когда поскрипывает под ногами зензибов снег, поблёскивающий под лучами местного светила – Оритибы, или в полночь, когда мерцают в чёрном небе сочные звезды, светит тусклая рыжая луна и полыхает разноцветное небесное сияние, иргроны обычно спят или дремлют, зарывшись глубоко в снег. А когда поднимается ветер, да к тому же начинается метель, иргроны выбираются из своих снежных логовищ. Из-за того, что ветер быстро заметает рыхлый снег, следы этих зверей бывает трудно заметить. Лишь иногда, когда пурга стихнет, можно было увидеть петляющие и скрывающиеся в каменном лесу следы широких когтистых лап иргрона.

Семь длинных загнутых острых когтей на толстых коротких пальцах представляли страшную угрозу живым существам. Эти жестокие и коварные хищники легко и быстро передвигались, не проваливались в рыхлый снег, поскольку при движении опирались на широкие лапы.

Безоружному зензибу можно было спастись от иргронов лишь взобравшись на высокое каменное дерево с прочным стволом. Однако не каждый зензиб был способен долго продержаться на каменном дереве, цепляясь за холодные и скользкие, часто покрытые ледяной коркой, стволы деревьев или за колючие ветви, усеянные острыми известковыми иглами. Иргроны обычно не оставляли избранную ими жертву в живых. Они задерживались возле каменного дерева и терпеливо дожидались момента, когда жертва свалится на снег. Тогда беспощадные иргроны набрасывались на зензиба и терзали его. Иногда это случалось уже после того, когда стихала метель. После трапезы насытившиеся иргроны обычно зарывались в снег рядом с обглоданными розовыми костями и лохмотьями белой шерсти несчастной жертвы.

Порой охотники-зензибы разыскивали лежища иргронов, разрывали снег и закалывали копьями сонных хищников, мстя им за своих растерзанных соплеменников.

Обычно выход из своего уютного снежного круглого ледяного дома в пургу без оружия заканчивался плачевно для зензиба-одиночки.

Если одинокого путника заставляла пурга, приходилось искать укрытие. Однако сделать это было нелегко. От иргронов нельзя было скрыться, зарывшись в снег. Безжалостные хищники разрывали снег и в считанные мгновения добирались до жертвы. Только порошок серого лишайника, который зензибы соскабливали со стен в пещерах, мог остановить иргронов, которые не выносили его запах. Однако такого порошка было очень мало и им пользовались только вождь и его приближённые.

Если зензибы укрывались в пещерах или в дуплах больших каменных деревьев, им всё равно нужно было держать наготове копьё. Иргроны могли напасть в любой момент.

Ильтр и Вентр сидели у входа в пещеру и напряжённо всматривались в круговерть метели и прислушивались к завываниям ветра.

Снежинки врывались в пещеру и, кружась, летали по ней, опускаясь на шерсть Кризильды. С её белой пушистой шерсти осторожно смахивал снежинки Ирмон, не сводивший со своей возлюбленной восторженного взгляда.

Вскоре наступили сумерки.

Красноглазых зензибов не пугала сгущавшаяся тьма. Они хорошо видели в темноте.

Кризильда прижалась к Ирмону и он ощутил её упругую круглую грудь. У женщин-зензибов была всего одна молочная железа, поросшая белой короткой нежной шёрсткой.

Ирмону нравилась дочь вождя, и он был готов уйти из племени, лишь бы только быть рядом с ней. Старый Гулду – жрец их племени, предупредил Ирмона, что Артикус – отец Кризильды, готов приказать своим верным слугам убить Ирмона, если он не откажется от притязаний на руку и сердце его дочери. Кризильда, узнав об этом, предложила Ирмону бежать из племени Горячих Струй.

Ледяные дома их племени стояли у подножия коричневых скал рядом с пятью горячими источниками. Через определённые промежутки времени из них вырывались окутанные паром струи кипятка. Из источников вытекали ручьи, над которыми поднимались густые испарения. Ручьи впадали в озеро, возле берегов которого над водой поднимался пар.

Кризильда теперь с тоской вспоминала о ледяных домах и горячих источниках.

Теперь она страшилась отцовского гнева. Ведь отец наверняка направил за ними погоню. А ещё Кризильда очень боялась иргронов с острыми когтями и жуткими пастями, раскрыв которые чудовища обнажали три ряда острых жёлтых зубов. У беглецов с собой не было порошка из серого лишайника. Они так торопились покинуть поселение, что Кризильда забыла об этом порошке. Теперь Кризильда надеялась только на ловкость и смелость лучших охотников и воинов их племени – Ильтра и Вентра, родных братьев её возлюбленного. Старшие братья уважали Ирмона и готовы были ему помочь даже ценой сурового наказания – изгнания из племени Горячих Струй или даже смерти.

Кризильда очень боялась, что Ирмона и его братьев схватят, а её отец велит их казнить...

О страхах Кризильды знал Юрчиков, который, в своём сне видел то же самое, что и Овсянников. Он, как и его друг, наблюдал за странными существами, пребывая в своём удивительном сне.

Ирмон обнял свою возлюбленную за плечи своей мощной мохнатой семипалой левой рукой и, раскачиваясь, запел заунывную песню. Остроконечные мохнатые ушки Кризильды смешно зашевелились. Ирмон уже вытянул свои гибкие узкие губы, чтобы чмокнуть юную красавицу в ушко, как в этот миг раздался рёв и послышались крики Ильтра и Вентра. Кризильда отпрянула от Ирмона и с ужасом увидела иргронов, которые пытались ворваться в пещеру. Братья Ирмона копьями пытались сразить хищников и не позволить им проникнуть в пещеру.

Ирмон с копьём в руке бросился на помощь к братьям...

Сергей застонал во сне. Катя проснулась и собиралась разбудить мужа, но тот уже успокоился и снова мерно дышал во сне....

В это время Овсянников метался во сне на кровати в своей комнате, пропахшей масляными красками...

Когда Ирмон подбежал к входу в пещеру, растерзанный иргронами Ильтр уже неподвижно лежал на спине. Из его живота вывалились внутренности, и рядом с ним растеклась лужа синей крови. Рядом с ним валялся пронзённый копьём иргрон.

Второй иргрон набросился на Вентра и перегрыз ему шею. Лохматая голова Вентра подкатилась к ногам Ирмона. Иргрон принялся терзать обезглавленное тело несчастного Вентра, уткнув узкое рыло в живот зензибу. Иргрон не отвлёкся от своей страшной трапезы даже при появлении рядом с ним зензиба. Ирмон ударил хищника в спину копьём, однако его остриё скользнуло по костной пластине, скрытой под густой шерстью и кожей. Иргрон прекратил грызть Вентра и уставился на Ирмона своими огромными оранжевыми глазами. Иргрон

тяжело сопел и слизывал длинным языком стекавшую изо рта пенящуюся слюну. Хищник зарычал и ударом лапы опрокинул Ирмона на спину. Иргрон склонился над юным зензибом, и тот почувствовал, как ему на живот закапала едкая слюна хищника. Проникшая сквозь шерсть слюна зверя стала шипать кожу Ирмона. Он застонал и попытался руками удержать хищника, тянувшего к его горлу рыло. Силы уже оставляли Ирмона, когда хищник вздрогнул и завалился на бок.

Ирмон увидел над собой силача Дарна – широкоплечего зензиба, который держал в руках огромный камень. Ирмон решил, что Дарн послан вождём убить его.

«Судя по всему, Дарн сейчас размозжит мне голову», – почти безучастно подумал Ирмон.

Кризильда закричала и бросилась в ноги Дарну. Тот отбросил камень и показал рукой на убитого им иргрона.

Дарн спас Ирмона. Он ударил камнем хищника и перебил ему хребет.

Кризильда догадывалась, что Дарн не случайно появился в пещере, и ничего хорошего от него не ожидала.

– Не убивай Ирмона, Дарн! – взмолилась Кризильда, обхватывая своими руками ноги Дарна.

– Я послан твоим отцом, чтобы убить твоих похитителей и вернуть тебя в племя, – глухим голосом произнёс Дарн.

– Так убей меня! – прохрипел лежавший на спине Ирмон.

– Три воина, которых вождь отправил вместе со мной в погоню за вами, погибли в пути. Слишком высокую цену наше племя заплатило за твою глупость, Ирмон, – сказал Дарн.

– Не надо убивать Ирмона! – снова стала упрашивать Дарна Кризильда.

– Ты мне всегда нравилась, Кризильда. Я не хочу причинять тебе боль, – сказал Дарн. – Поэтому я пощажу этого глупого юношу, которого ты почему-то выбрала...

В своём сне Юрчиков удивился тому, что понимает все слова, которые произносят зензибы, и отчётливо видит всё происходящее в пещере...

– Встань с колен, Кризильда. Всё-таки ты дочь вождя. Я позволю вам уйти, – сказал Дарн. – Только обещайте мне, что никогда не вернётесь в наше племя, и никому не расскажете, что я вас отпустил.

– Благодарю тебя, Дарн! – горячо произнесла Кризильда и, вытянув губы трубочкой, чмокнула силача в лохматый лоб,

– Я вернусь домой и расскажу Артикусу, что видел, как всех вас разорвали иргроны. Твой отец, конечно, опечалится, Кризильда, но иначе вождь прикажет поймать и убить Ирмона, – уверил Дарн.

– Вот поэтому мы и решили уйти туда, где нас не найдут, – сказала Кризильда.

– Куда же вы собираетесь направиться, если не секрет? – поинтересовался Дарн.

– К Великому океану. Говорят, там есть острова, которые летом непокрыты льдом и снегом. На одном из островов мы с Кризильдой решили поселиться, – вставая, сказал Ирмон.

– Зензибам трудно жить там, где нет льда и снега, – покачал косматой головой Дарн.

– Мы привыкнем, – сказал Ирмон.

– Но это так далеко! Надо всё время идти на юг. В тех краях всё иначе, чем здесь. Там по ночам нет даже разноцветного сияния в небе, – сообщил Дарн.

– Там наверняка есть что-нибудь другое, – задумчиво проговорил Ирмон.

– А как вы достигнете острова? Ведь в Южном океане, как рассказывали старики, иногда тают льды, и открывается Большая Вода, – вспомнил Дарн.

– Мы что-нибудь придумаем. К тому же, океан обычно покрыт льдом, и по нему мы можем добраться до острова, – сказал Ирмон. – В давние времена к океану направлялись сме-

лые зензибы. Они видели вдалеке, скалистые острова, свободные от снега и льда. Эти острова под лучами дневного светила были расцвечены необычайно яркими красками. Это просто чудо!

– Как я понял, вы не только сбежали из племени, чтобы сохранить любовь, но ещё вас влекут чудеса. Только хочу предупредить, чудеса могут оказаться всего лишь грёзами, которые придумал, но не воплотил в жизнь Великий Хозяин тьмы и снегов. Он заманивает туда тех, кто не проникся всей душой сердцем тьмой и не прильнул мохнатой грудью ко льду. Таким способом Великий Хозяин проверяет любовь зензибов к тьме и лютой стуже своих заснеженных просторов, – вздохнув, сказал Дарн.

– Думаю, Великий Хозяин не будет против, если мы попробуем покинуть его владения. Ведь сам старый Гулду советовал нам отправиться к океану, – сказал Ирмон. – Он сказал мне, что только там мы останемся с Кризильдой вместе навечно. Если мы останемся здесь, мы будем всю жизнь страдать.

– Я верю старому Гулду. Идите к океану. А я вернусь домой. Только немного передохну. Да ещё надо предать снегу твоих братьев, Ирмон. А туши иргронов следует освежевать и нарезать ломтями мясо, пока оно окончательно не замёрзло, – предложил Дарн, доставая из-за пояса нож.

Дарн присел рядом с одним из убитых иргронов, содрал с него шкуру и стал нарезать куски мяса, которые складывал в свой мешок. Ирмон занялся разделкой туши второго убитого иргрона. Куски мяса быстро замёрзли, и он набил ими свой мешок.

Потом Дарн и Ирмон вынесли тела погибших Вентра и Ильтра из пещеры под звёздное небо. Метель стихла, и ничто уже не напоминало о вьюге и трагедии, разыгравшейся в пещере.

Дарн и Ирмон руками вырыли в снегу две ямы, в которые опустили растерзанные тела Ильтра и Вентра. Дарн положил рядом с телом голову Вентра. Смахнув слёзы, покотившиеся по его заросшим белой шерстью щекам, Ирмон засыпал снегом могилы, а Дарн посыпал место захоронения серым порошком лишайника, запах которого не переносили иргроны. Затем зензибы утрамбовали снег. Ирмон теперь был спокоен – могилы его братьев не разроют иргроны.

Потом Ирмон сел возле могил своих братьев и затянул протяжную песню, глядя на небо в ту сторону, где сияли сполохи сияния. К нему присоединились Кризильда и Дарн. Тоскливое, заунывное пение разнеслось над снежной равниной. Потом Дарн прекратил петь, поднялся, отряхнулся от снега и, сориентировавшись по звёздам, направился на север.

Ирмон и Кризильда не прекратили петь, а лишь перевели взгляд с неба на уходившего от них Дарна...

Овсянников во сне застонал и скинул с себя одеяло. Форточка хлопнула, и в комнату ворвался сырой ветер, наполнив её холодом и сыростью. Олег проснулся, но ещё долго находился в полудрёме, вспоминая свой сон, который он видел словно наяву.

Юрчиков во сне запел заунывную песню на неизвестном языке. Жена растолкала его.

– Что ты воешь? – спросила Катя мужа, когда тот открыл глаза.

– Я видел удивительный сон... Они сейчас пели грустную песню над могилами своих сородичей, – рассказал Юрчиков.

– Кто они? – с подозрением спросила Катя.

– Зензибы – Ирмон и Кризильда, – ответил Сергей и пожаловался:

– Что-то сердце сильно трепещет, словно пойманная в силки птица.

– Тебе надо отдохнуть. Ты слишком увлёкся своей фантастикой.

Зазвенел будильник.

– Ну, вот! Мне пора на службу, – вздохнул Юрчиков. – А вечером мне снова предстоит править роман.

- Ты его так никогда не допишешь, – сказала Катя.
- Скоро допишу.
- Сегодня ты снова встречаешься с Овсянниковым?
- Да. Я хочу знать, что он видел сегодняшней ночью во сне...

Едва Юрчиков пришёл на службу, как к нему в кабинет заглянул Олег.

– Слышал? Скоро начнётся аттестация сотрудников, – сообщил Овсянников.

– Да ну её, эту аттестацию! – махнул рукой Юрчиков. – Мне этой ночью приснился удивительный сон.

– Ты не это случайно видел во сне? – спросил Овсянников и протянул ему листок с карандашным наброском, на котором были изображены два зензиба, сидевшие в снежной пустыне под звёздным небом и смотрящие вслед уходившему от них рослому соплеменнику.

Тут Овсянников стал тихо напевать песню, которую пели зензибы. Юрчиков с изумлением посмотрел на друга.

– А не эту ли песню ты слышал во сне? – перестав петь, спросил художник.

– Эту, – проговорил потрясённый Сергей.

– Вот и я видел сон, в котором зензибы сражались с иргронами. Ведь так ты назвал страшных хищников в своём романе?

– Представителей разумной расы на Бригде зензибами назвал я, а вот безжалостных хищников назвали иргронами сами зензибы. В романе я называл их эргионами. Хотя и зензибы, и иргроны именно такие, какими я их описал в романе.

– Кстати, неизвестно, кто из них страшнее внешне – зензибы или иргроны, – заметил Олег.

– Теперь я жалею, что описал зензибов именно так в своём романе. Теперь мне хотелось бы видеть в них больше человеческих черт.

– Не укоряй себя. Возможно, для самих зензибов это не играет никакой роли, и они прекрасно себя чувствуют в своём мире. Каково бы им было в мире льда и снегов без длинной густой шерсти?

– Но меня тревожит, что мои сновидения словно навязывают мне дальнейшее развитие моего романа, – задумчиво проговорил Сергей.

– У меня сложилось впечатление, что на Бригде идёт своя жизнь, а мы наблюдаем за ней в своих снах, – сказал Овсянников.

– Пришло время завершить роман.

– Он будет иметь успех.

– Возможно, это произойдёт лишь благодаря твоим иллюстрациям.

– Ты преувеличиваешь мою роль, Сергей.

– Нисколько не преувеличиваю. Ведь я перекраиваю сюжет, учитывая особенности твоих рисунков, и роман при этом становится интереснее. Возможно, именно после появления твоих иллюстраций моё произведение начинает претворяться в жизнь на далёкой планете.

Из динамиков в коридоре послышался гнусавый голос ответственного за пожарную безопасность:

– В Управлении объявлена пожарная тревога! Всем покинуть помещение!

– Вот неймётся Смирнову! – с досадой сказал Овсянников.

– Выслуживается, – заметил Юрчиков.

– Ты почему не хватаешь противогаз и не торопишься выбежать на улицу? – спросил Олег. – Ведь вас, офицеров, если не среагируете на тревогу, могут потом на аттестации завалить.

– И так завалят, – махнул рукой Юрчиков.

Тем не менее, ворча, он достал из шкафа противогаз и, надев куртку, вышел вместе с Овсянниковым из кабинета...

Ночью Юрчиков, пребывая в тревожном и интересном сне, продолжал наблюдать за происходящим на Бригде ...

Ирмон и Кризильда, взявшись за руки, стояли среди заснеженной равнины и смотрели вдаль. Над горизонтом висело тусклое светило. Позади них, на заснеженной равнине, серела роща каменных деревьев, тянувших свои покрытые инеем ветви к серому небу.

– Здесь стало тепло. Ты чувствуешь, какие горячие лучи теперь исходят от Оритибы? Неужели, уже близко Великий океан? – спросила Кризильда.

– Мы вышли на большую равнину. Впереди нет ни скал, ни холмов. За этой равниной лежит Великий Южный океан. Мы почти добрались до него, – сказал Ирмон.

Ирмон и Кризильда направились вперёд, по снежной равнине. Местами, где не было снега, а лежал лёд, они, несколько раз, поскользнувшись, едва не упали.

Они шли по равнине пять дней. Питались они мороженым мясом иргрона, а ночевали на снегу. Кризильда стала жаловаться, что устала. Однако Ирмон уговаривал её потерпеть. Возвращаться домой было нельзя, а другие племена зензيبов редко принимали к себе беглецов. И вдруг юноша увидел впереди рябившее на ветру странное поле, на котором не лежал снег.

– Что там, впереди? Там нет льда и снега? – удивилась Кризильда.

– Возможно, это и есть океан, – проговорил Ирмон.

– Серая равнина, что лежит впереди – и есть океан?

– Наверно. А там, посреди океана, в туманной дымке я вижу какие-то скалы. Они так же красивы, как и ночное небесное сияние над нашим поселением!

Ирмон и Кризильда подошли к краю ледяной равнины. К их ногам лениво подкатывались невысокие пенящиеся волны. Ирмон, опустился на колени, зачерпнул в ладонь воду, попробовал её на вкус и поморщился.

– Вода здесь солоней, чем в горячих источниках, – сказал Ирмон.

– Здесь так много воды! – воскликнула Кризильда.

– Нам надо добраться до тех скалистых островков, которые торчат посреди воды. Посмотри, как они красивы!

– Действительно, эти островки очень красивы, – согласилась Кризильда.

– Надо попробовать добраться до ближайшего из них, – предложил Ирмон, трогая ногой воду.

– Ну, как? – поинтересовалась Кризильда.

– Вода тёплая. Можно идти к острову, – сказал Ирмон и, подняв копьё над головой, смело шагнул в воду

Кризильда не успела опомниться, как её возлюбленный мохнатый зензиб, булькнув, ушёл с головой под воду. Он тут же вынырнул и забил руками по воде. Ирмон попытался ухватиться за кромку прибрежного льда, но тот ломался и крошился. Кризильда наклонилась и протянула ему руку. Ирмон не принял её помощь, а протянул руку дальше, опёрся на более прочный лёд и, выбрался на берег.

Кризильда заметила, как из воды показалась чёрная блестящая голова крупного чудища, которое распахнуло пасть с несколькими рядами острых зубов, а затем, взглянув жёлтыми глазами на зензибов, скрылось под водой.

Ирмон сел на лёд и положил рядом с собой копьё. С его белой шерсти стекали капельки воды. Кризильда села рядом с ним.

– Тебя сейчас едва не сожрало чудище! – воскликнула она. – В океане обитают звери не менее страшные, чем иргроны.

- Страшнее иргрона зверя нет, – уверенно произнёс Ирмон.
- Ты просто не заметил чёрную безволосую тупорылую морду с зубастой пастью.
- Я ничего не видел. Здесь оказалось слишком глубоко. Я едва не утонул...
- Вставай!

– Позволь мне посидеть на ветру. Я наслаждаюсь прохладой и отдыхаю от тёплой воды, – сказал Ирмон.

В это время Кризильда услышала треск и встревожилась:

- Ты слышал звук?
- Да. Что-то потрескивает.
- Вставай! Это трещит лёд! – закричала Кризильда.

Ирмон поднялся. И тут же раздался громкий треск, и позади зензибов по льду пробежала трещина. Оторвавшаяся от припая льдина покачнулась и поплыла в океан. Копьё Ирмона провалилось в трещину и ушло под воду...

Юрчиков напугал жену, вскрикнув во сне...

Овсянников во сне стал размахивать руками и сбросил с себя одеяло...

Кризильда и Ирмон заморозённо наблюдали за тем, как льдина, на которой они оказались, постепенно удаляется от берега.

Вскоре от льдины стали откалываться большие глыбы. Несчастные влюблённые с ужасом смотрели на таящую на глазах льдину и готовились умереть. Они сели, обнялись и прикрыли глаза, потому что Оритиба источала яркий свет.

Они не заметили, как маленькая льдина приблизилась к скалистому острову с узкой полосой песчаного берега, усеянного крупными камнями, которые были покрыты зелёным мхом и оранжевыми лишайниками. Лишь когда льдина стукнулась о прибрежный валун, они открыли глаза.

– Вот это да! – прошептал изумлённый Ирмон, увидевший столько красок сразу и не на ночном небе, а на прибрежных камнях среди дня.

– Откуда здесь такая красота? – удивилась Кризильда.

Ирмон ступил на жёлтый песок и позвал Кризильду:

– Иди сюда!

Кризильда шагнула в объятия Ирмона, и он поцеловал её.

– Пойдём дальше! Здесь так красиво! – воскликнула Кризильда.

Взявшись за руки, они пошли по жёлтому песку, обходя крупные валуны. Возле берега возвышались отвесные скалы, поросшие густым зелёным мхом и оранжевыми лишайниками. Это было очень красиво. Ирмон и Кризильда не переставали восхищаться этим чудом. На островке не было каменных деревьев, снега и льда. Это тоже было удивительно.

Они быстро обошли небольшой островок и вернулись на то же самое место, где их ожидала прибитая волнами и течением к берегу льдина, на которой они прибыли на островок.

Прибитая к берегу льдина стала ещё меньше. Она подтаяла и стала рыхлой.

– А чем мы будем питаться? – спросила Кризильда.

– Мы станем есть вот эти странные пружинистые зелёные ростки и оранжевые лишайники, – сказал Ирмон и, нагнувшись, сорвал и принялся жевать мох.

Пожевав мох, он попытался его проглотить, но не смог и сплюнул его на песок.

– Мы здесь умрём от голода? – с тревогой спросила Кризильда.

– Вряд ли. Видишь, неподалёку опустилась стая белокрылых птиц. Я сейчас поймаю одну из них, – пообещал Ирмон.

– Чем же ты убьёшь птицу? У тебя нет копья и его не из чего сделать. Ведь здесь нет каменных деревьев.

– Я всё-таки попробую, – сказал Ирмон и направился к птицам.

Он подкрался к белоснежным птицам с большими клювами. Некоторые птицы щипали мох, росший на камнях. Эти птицы питались скудной растительностью. Их можно было подбить, подкравшись и метнув в стаю копьё. Однако копьё у Ирмона не было, и он поднял с песка красивый оранжевый камень, покрытый лишайником.

Юный зензиб прицелился и метнул в птиц камень, но промахнулся. Стая взлетела и унеслась в сторону заснеженного берега, едва заметного в туманной дымке на горизонте.

Грустный юноша вернулся к Кризильде. Увидев, что Ирмон идёт с пустыми руками, она всё поняла и ничего не сказала.

В следующие несколько дней птицы ни разу не садились на остров. В воде, возле берега, среди песка и камешков носились прыткие многоножки, которые разбегались, как только над ними нависала тень. Поймать их тоже было невозможно. Пленники красивого острова, сначала жевали и глотали зелёный мох, но потом они почувствовали себя плохо.

– Я, кажется, отравилась, – сказала спустя много дней, Кризильда. – У меня кружится голова, и всё вокруг я вижу в тумане.

– Это от голода, – сказал Ирмон.

Он сел на песок, прислонившись спиной к большому валуну, и обнял за плечи свою любимую. Кризильда положила к нему на плечо голову и задремала, а потом Ирмон почувствовал, что её голова стала слишком тяжёлой. Он потрогал её и понял, что она холоднее, чем камень. Кризильда не спала. Она умерла.

Ирмон хотел зарыдать, но у него не было сил даже на это. Голова у него кружилась, и в висках он ощущал назойливое постукивание.

– Что же ты посоветовал нам, старый Гулду? Неужели ты был заодно с Артикусом, и он только делал вид, что хочет спасти свою дочь, а уничтожить лишь меня? – думал Ирмон.

Мысли путались, и он долго попытался вспомнить, что же именно сказал ему старый Гулду.

Наконец, он вздрогнул, вспомнив слова старого Гулду, и проговорил:

– Он мудр, старый Гулду. Если бы мы остались среди тьмы и вечных снегов, то страдали бы всю жизнь. А здесь мы увидели необычайную красоту, и среди этой красоты мы с Кризильдой останемся вместе навечно. Он оказался прав, старый Гулду.

Ирмон улыбнулся и закрыл глаза...

На следующее утро, словно почуяв, что опасности для них больше нет, белокрылые птицы прилетели на остров. Стая опустилась на берег, неподалёку от сидевших в обнимку двух зензибов, которые опирались спинами на большой валун. Казалось, будто юные зензибы смотрят в сторону далёкого заснеженного берега. А, возможно, они смотрели ещё дальше – туда, откуда они принесли на красивый островок свою любовь и несбывшиеся мечты. Они смотрели вдаль, где царит вечный мороз, а тьма бывает такой долгой, что кажется, будто больше никогда не взойдёт над ледяным миром тусклое светило.

Они смотрели в сторону, где стоят ледяные дома и текут горячие ручьи, над которыми клубятся испарения, где по ночам в чёрном небе сияет разноцветное сияние, и мерцают сочные золотистые звёзды...

Птицы, переваливаясь с ноги на ногу, осторожно приблизились к неподвижным зензибам.

Эти птицы питались не только пружинистым мхом, но и падалью. Они стали ощипывать с зензибов висевшую ключьями белую шерсть. А затем белоснежные птицы принялись за трапезу...

Прошло время. Солёный океанский ветер и прибрежные волны отшлифовали кости зензибов... Их скелеты остались на берегу красивого островка...

Юрчиков проснулся в холодном поту. Сердце у него бешено колотилось. Он сел на кровати и долго смотрел в одну точку.

– Ты хотя бы включил свет, – недовольно сказала проснувшаяся жена.

Сергей не отзывался.

– Ты что молчишь? – спросила и толкнула мужа в плечо Катя.

– Они умерли.

– Кто это – они? – не поняла Катя.

– Влюблённые зензибы. Мой роман закончен.

– Ты снова видел странный сон?

– Да. Кажется та история на далёкой планете закончилась.

– Почему ты говоришь таким взволнованным голосом?

– Я переживаю. Мой роман не должен был закончиться вот так – гибелью влюблённых зензибов. Ирмон и Кризильда должны были прожить счастливую жизнь и населить островок своими детьми. У них хватило бы еды. Они могли ловить рыб и птиц. Это было описано в эпилоге моего романа. А на самом деле, то есть в моём сне, всё случилось иначе. Они умерли, но остались навечно вместе, – проговорил Сергей.

– И что теперь будешь делать – оставишь свою концовку романа или перепишешь эпилог?

– Не знаю, – признался Сергей. – Думаю, надо закончить роман так, как я увидел это во сне.

Катя взглянула на электронный будильник и сказала:

– Ещё только пять часов утра. Надо спать. Сегодня мне надо идти на работу, тебе – на службу.

– Я теперь не смогу заснуть, – произнёс Сергей и направился в гостиную.

Он сел за компьютер и принялся набивать текст, а потом, не позавтракав, направился на службу. Сергей попытался связаться с Овсянниковым по телефону, но его мобильник был отключён. Домашний телефон тоже не отвечал.

Вечером Сергей решил заехать к Овсянникову.

Дверь открыла Людмила Григорьевна.

– Заходи, Сергей. Только, пожалуйста, говорите тише. Сын спит в своей комнате, – попросила мама Олега.

– Не могу дозвониться весь день. Что с ним? – спросил Юрчиков, проходя в гостиную.

– Я отключила домашний телефон, чтобы звонки не беспокоили Олега. У него под утро прихватило сердце.

– Сердце?! Он же ещё молодой! – изумился Юрчиков.

– Сама удивляюсь, – развела руками Людмила Григорьевна. – Днём приходил врач и сделал ему укол. Доктор сказал, что опасности для жизни нет, но ему нужен покой.

– Его комната пропахла красками. Может, ему это вредно?

– Я постоянно проветриваю его комнату. Масляной краской уже почти не пахнет. В последнее время он чаще акварелью пишет картины или карандашом делает наброски. Только теперь он мало ест. Приготовишь ему ужин, а он отмахнётся – мол, некогда!

Тут из комнаты послышался голос Олега:

– Мама, кто пришёл?

– Это Сергей, – ответила Людмила Григорьевна.

Юрчиков зашёл в комнату Олега, который лежал на кровати под одеялом.

– Привет! Ты что это вздумал болеть? – спросил Юрчиков, усаживаясь на стул возле кровати.

– Да я не серьёзно заболел. Так, немного сердце заломило. После укола боль прошла. Сейчас хорошо себя чувствую. Я знаю, что и у тебя сердце пошаливает.

– Наверно, это из-за того, что я вижу тревожные сны
– И меня расстроил сегодняшний сон. А ты случайно не видел, чем закончился поход к океану юных влюблённых зензибов? – поинтересовался Овсянников.

– Видел, – сказал Юрчиков и тяжело вздохнул. – В моём романе не такой печальный конец.

– Но судьба юных зензибов изменилась в худшую сторону. Может, ты сможешь что-то изменить. Мне кажется, что существует мистическая связь между твоим романом, нашими снами и реальной жизнью на Бригде.

– Я тоже думал об этом.

– Ведь ты не допустишь, чтобы зензибы, столько пережившие ради своей любви, умерли на том острове? – с надеждой спросил Овсянников.

Юрчиков долго молчал.

– Но ведь события, которые мы видели в своих снах, уже произошли. И я не в силах ничего изменить.

– Но ведь это ты придумал тот мир. Почему же теперь ты умываешь руки?

– А разве благостная концовка, которую я написал, будет сильнее той, которую мы видели в наших снах?

– Неужели ты решил переписать хороший финал? – ужаснулся Овсянников.

– Да. Ведь на Бригде всё уже произошло.

– Тебе не жаль Ирмона и Кризильду? – поразился Олег.

– Ещё как жаль!

– Неужели события на Бригде произошли наяву, а не во сне? – прошептал Овсянников.

– Когда ты поправишься, сделай иллюстрации к новой концовке моего романа.

– И я должен изобразить на красивом острове два скелета несчастных юных зензибов, мечтавших о любви и счастье?

– Почему же обязательно скелеты? Пусть это будут живые влюблённые зензибы, сидящие в обнимку на берегу и грезящие о вечной любви и счастье.

– О счастье, которое так и остаётся всего лишь несбывшейся мечтой?

– Пусть так... Но это лучше, чем серая жизнь без грёз о прекрасном!

Овсянников надолго задумался, а потом сказал:

– Пожалуй, я сделаю иллюстрации к финалу твоего романа.

– Тебе прислать по электронной почте текст? – спросил Юрчиков.

– Зачем? Ведь мы видели одинаковый сон.

– Тогда я пойду, – сказал Сергей.

– Иди. Тебе завтра на службу. А я с утра примусь за работу.

– Смотри, не переусердствуй! Здоровье надо беречь.

Друзья попрощались.

Юрчиков вернулся домой в полночь, когда жена и сын уже спали. Сергей лёг в кровать и сразу же заснул. В эту ночь впервые за последние несколько недель ему ничего не приснилось.

Глава 3. Борцы с умом

Очередной день на службе начался с того, что Юрчикова пригласил к себе начальник юридического отдела капитан Шалавин. Это был своеобразный человек. Его бесцветные глаза выражали брезгливость по отношению ко всем людям, кроме начальников. По коридорам он ходил странно – вскидывая плечи и дёргая руками.

В кабинете начальника юридического отдела Юрчиков застал Смирнова.

– Не буду я перед ним извиняться! – исподлобья взглянув на вошедшего Юрчикова, воскликнул раскрасневшийся Смирнов.

– Присаживайтесь, Юрчиков. Я вызвал вас по поручению полковника Заразина, – сообщил Шалавин. – По управлению распространяются слухи, что вас с Амбаровым оговорил Смирнов.

– Это так и есть. Я готов подать о случившемся рапорт через секретариат.

– Не надо подавать рапорт. Я попытаюсь уладить ваш конфликт с полковником Смирновым. Вы же понимаете, в этот ответственный момент, когда начальнику Управления вот-вот должны присвоить звание генерала, не в его интересах выносить сор из избы. И вот Заразин лично просил меня разрешить ситуацию, – вкрадчивым голосом произнёс Шалавин.

– Так начальнику уже два года присваивают звание генерала, и долго ещё будут присваивать, пока им не займутся соответствующие специалисты по выявлению, мягко говоря, недостатков.

– Да что вы такое говорите, – тихо и без эмоций проговорил Шалавин, оглянувшись на окно. – Не усугубляйте своё незавидное положение. Ведь вас теперь могут уволить по отрицательным мотивам. Но вы должны понять, что полковник Заразин хочет сделать лучше для нас всех.

– Я не привык врать. Смирнов вёл себя неадекватно. Он оговорил меня и капитана Амбарова, – заявил Юрчиков.

– Он издевается! – вскричал пожарный. – Видите ли, я неадекватно себя вёл! Он считает меня психом, а вы ещё хотите, чтобы я перед ним извинился. Я его не оговаривал. Он поджигал мусор!

– Юрчиков, действительно, зачем вы возводите напраслину на полковника Смирнова? Он адекватный человек и не оговаривал вас, – елеинным голосом произнёс Шалавин, одёргивая пожарного за рукав.

– Да! Зачем возводить напраслину?! Вы что, не видите, кто я? Я – полковник! – истерично закричал Смирнов

Юрчиков встал и вышел из кабинета. В коридоре он встретился с Амбаровым.

– Привет! Слышал, что сегодня сдача зачётов по физподготовке? – сообщил Амбаров.

– Вот обрадовал! – мрачно произнёс Сергей.

– Результаты будут учитываться на аттестации.

– А ум на аттестации не будет учитываться? – спросил Юрчиков.

– Неужели не ясно, что нашим борцам с умом сообразительные сотрудники не нужны. Какому начальнику понравятся подчинённые, которые умнее их, – сказал проходивший мимо полковник Корольков.

– Корольков прав. В холле центрального корпуса висят фотографии наших начальников с надписью: «Наши лучшие сотрудники». Какие у них неприятные лица! Самые настоящие борцы с умом. И надпись над их фотографиями должна быть другая, – сказал Амбаров.

– Какая же? – вяло поинтересовался Юрчиков.

– «Их разыскивает совесть. По ним плачет справедливость».

Амбаров усмехнулся, а потом помрачнел, вспомнив про зачёты по физподготовке.

– И всё-таки пойдём сдавать нормативы. А то потом придерутся на аттестации, что мы не сдали зачёты по физкультуре. Пойдём в спортзал! – настаивал Амбаров.

– На меня спортивная форма не налезет. Она уже давно в моём кабинете в шкафу пылится. Да и со здоровьем у меня проблемы.

– Ладно. Ты как хочешь, а я пойду в спортзал. А ты хотя бы из медпункта принеси справку об освобождении от физических упражнений, а то тебя внесут на аттестации в «чёрный список», – предупредил Амбаров.

– Я так и сделаю. Не в моём возрасте, и не с моим высоким давлением заниматься физкультурой.

Юрчиков направился в медпункт, где получил справку об освобождении от занятий физкультурой.

В это время Амбаров уже приседал, крутил педали велотренажёра и подтягивался на перекладине. В итоге запыхавшийся он удостоился похвалы ответственного за физподготовку капитана Циркланова:

– Здорово! Молодец!

И тут Амбаров побледнел и схватился за сердце. Он доковылял до скамейки и осторожно сел на неё.

В это время в спортзал зашёл Юрчиков.

– Серёга, не вздумай повторять за мной! – прохрипел тяжело дышавший Амбаров. – Можешь протянуть ноги.

– Я внял твоему совету и принёс справку, – сказал Сергей.

В это время к ним подошёл Циркланов и спросил:

– Почему вы не в форме? – строго спросил ответственный за сдачу нормативов.

– У меня есть справка об освобождении от физподготовки, – с едва скрываемым восторгом сообщил Юрчиков, протягивая спасительный документ Циркланову, который, нахмурившись, взял справку.

В этот момент раздался грохот. Майор Прапорщиков, пытаясь совершить переворот на турнике, рухнул на мат.

Во время выполнения упражнения он выпустил перекладину из рук. Хаотично размахивая руками, Прапорщиков на несколько мгновений завис над турником, а потом рухнул на мат. Распластавшись, майор Прапорщиков неподвижно лежал, нелепо раскинув руки и ноги.

Циркланов деловито склонился над поверженным майором, взял его руку и прощупал пульс.

– Жить будет! – сказал Циркланов и отпустил руку Прапорщикова, которая безвольно упала на мат.

Вскоре Прапорщиков зашевелился

Амбаров посмотрел на него и сказал:

– Если пройду аттестацию, в следующий раз обязательно запасусь справками.

Вечером Юрчикова вызвал к себе полковник Заразин.

Юрчиков думал, что разъярённый Заразин снова заведёт разговор о дымящемся мусорном контейнере, однако первый заместитель начальника Управления ехидно улыбнувшись, поинтересовался:

– Вы прослушали на прошлой неделе лекцию о повышении ответственности сотрудников за нарушение правил дорожного движения?

– Прослушал, – ответил Юрчиков.

– А вам известно, чем занимается ваш подчинённый Милороев и где он сейчас? – спросил Заразин.

Долговязый темноволосый сотрудник устроился в Управление по знакомству. К своим тридцати годам он уже переменял восемь мест службы. При этом ему без проблем удалось дослужиться до майора. Полгода назад тридцатилетнего лоботряса с бессовестными чёрными глазами перевели в отдел, возглавляемый Юрчиковым.

Сергей мучился с этим сотрудником. Милороеву было нельзя ничего поручить. Он часто нарушал дисциплину, но ему всё прощалось. Применить меры воздействия к нему было невозможно из-за покровительства начальника Управления. Таких сотрудников в Управлении было немало, и на их неподобающее поведение их начальники старались закрывать глаза. Однако сейчас Заразин решил поиздеваться над Юрчиковым.

– Вы хотите знать, чем занимается Милороев? – переспросил Юрчиков.

– Да! Чем он занимается? И где он сейчас?! – победоносно посмотрев на Юрчикова, произнёс Заразин.

– В настоящее время майор Милороев выполняет конфиденциальное поручение начальника Управления, – отрапортовал Юрчиков.

– Так вот, пришло письмо из суда. Ваш подчинённый Милороев девять раз пересёк двойную сплошную линию, – сообщил Заразин. – Вы представляете, сколько раз майор пересёк эту чёртову линию!

– Будь моя воля, я бы Милороева вообще не принимал на службу. Но ведь он пересекал двойную сплошную линию на своём джипе в свободное время, – сказал Юрчиков. – Я не понимаю, причём здесь я? Он взрослый человек и должен сам отвечать за свои проступки.

– Ах, вот как! – побагровел Заразин. – Нет, вы ответите за поведение Милороева! Как вы проводите работу с личным составом? Что вы сделали, чтобы предупредить девятикратное пересечение Милороевым на треклятой линии?

Юрчиков огорчился, что ему ещё придётся отбиваться от нападков руководства из-за великовозрастного бездельника, который, в отличие от не имевшего автомобиля Сергея, ездил на крутом джипе.

– Я проводил с ним воспитательные беседы и даже беседовал у него дома с его родителями, – нагло соврал Юрчиков.

– Что?! Вы встречались с отцом Милороева? С самим отцом? Да вы хотя бы знаете, кто его отец?! – заорал Заразин.

– Вам тоже не мешает об этом помнить, – продолжал наглеть Юрчиков. – Разве вы не знаете, что отца майора Милороева лучше не трогать?

– А я вас трону, Юрчиков! Ещё как трону! – угрожающим тоном произнёс Заразин. – Вы хотя бы понимаете, что такое девять раз пересечь двойную сплошную линию?!

– Понимаю, – кивнул Юрчиков. – Скажите, судья не пишет, Милороев за один заезд пересёк эту линию или пересекал её в течение нескольких дней?

– Судья об этом ничего не пишет.

– Если он пересёк сплошную линию...

– Двойную сплошную, – уже спокойным голосом поправил Заразин.

– Если он пересекал двойную сплошную линию девять раз во время одной поездки, это значит, что он был в это время не совсем трезв, – завершил мысль Юрчиков.

– А! Вот вы и попались! Он ещё у вас и пьёт! – обрадовался полковник Заразин.

– У меня он не пьёт. Я с ним даже не ем за одним столом, – возразил Юрчиков.

– И, тем не менее, вы не проводите с ним воспитательную работу! – радостно сообщил Заразин. – Вы пустили на самотёк работу с личным составом. Ведь вы наверняка лжёте, что побывали дома у Милороева! Вы вообще не ездите по квартирам своих сотрудников, как положено, и соседей не опрашиваете. Вы же должны знать, как живут ваши подчинённые, какие книги читают, какое у них хобби. Вам надлежит знать, как и с кем ваши сотрудники и сотруд-

ницы... Ну, в общем вам необходимо знать распорядок свободного времени ваших сотрудников. Подготовьте отчёт о работе с личным составом за год.

– Он лежит в сейфе у начальника отделения, – нашёлся Юрчиков.

– Ничего не собираюсь слушать! Чтобы через час отчёт был у меня на столе! Я сделаю всё, чтобы вы не прошли аттестацию, – пообещал Заразин.

– Я раньше уволюсь. Противно работать под началом борцов с умом, – устало сказал Юрчиков.

– Что вы сказали? Какие борцы сумо? – не расслышал Заразин.

– Я сказал, что вы вместе с начальником нашего Управления – борцы с умом, – спокойно сказал Юрчиков.

– Да как вы смеете так говорить! Вы меня и Свитко имеете в виду?! – всё больше распалялся Заразин.

– Кроме вас в Управлении таких личностей хватает.

– Ах, вот как! – Заразин нервно задыхался, хлопая ртом, словно вытасченный на берег карась. – Да я вас уволю за хулиганство при исполнении служебных обязанностей! Уволю задним числом, чтобы стажа не хватило для пенсии.

– А мне всё равно, хоть задним, хоть передним числом увольняйте, – хладнокровно сказал Юрчиков.

– Вон отсюда! – прохрипел Заразин и снова потребовал:

– Отчёт о работе с личным составом должен быть у меня на столе через час! И мне не важно, где вы его возьмёте.

Юрчиков направился в свой кабинет.

Не успел Сергей сесть за стол, как в дверь постучали.

– Разрешите зайти? – послышался голос Милороева.

– Заходи, – ответил Юрчиков.

– Заразин вас из-за меня вызывал? – зайдя в кабинет, поинтересовался Милороев, у которого был прекрасный нюх на возможную опасность.

– Откуда ты узнал, что Заразин меня вызывал по твоему вопросу? – поинтересовался Юрчиков.

– Так я ведь слышал, как он на вас в своём кабинете орал.

– Подслушивать плохо

– Плохо быть не в курсе дел.

– Как же ты мне надоел! Столько хлопот из-за тебя! Ну как тебя угораздило сплошную двойную линию девять раз пересечь?

– Так ведь я её девять раз в разные дни пересекал, – усмехнулся Милороев.

– У тебя хобби такое?

– Чего? – не понял Милороев.

– Увлечение у тебя такое – гонять на джипе?

– Есть у меня такое увлечение, – довольно заулыбался Милороев. – Это я так самовыражаюсь.

– А ты не пробовал самовыражаться другим способом – мог бы увлечься шахматами, поэзией, музыкой или, к примеру, разведением аквариумных рыбок.

Милороев с удивлением посмотрел на Юрчикова а потом спросил:

– Насчёт аквариумных рыбок вы не пошутили?

– Почему я должен шутить? – удивился Юрчиков.

– Просто насчёт аквариумных рыбок сейчас после случая с аквариумом начальника Управления все шутят. А, между прочим, сотрудники в мужской туалет на третьем этаже до сих пор боятся заходить, хотя пиранья в толчке долго не могут жить.

– Это ещё почему? – едва сдерживая смех, спросил Юрчиков.

– Да потому что пираньи мясом жертв должны питаться, а не дерьмом. Так что начальникам, у которых на третьем этаже кабинеты, аквариумные пираньи не угрожают. Но они, всё равно, боятся. Говорят, руководство подумывает, чтобы вообще закрыть тот туалет.

– Ну, хватит болтать о всякой ерунде! Лучше запоминай, что надо говорить, если тебя вызовет Заразин. Скажешь, что я тебя неоднократно навещал и проводил с тобой беседы по правилам дорожного движения.

– Да не стану я Заразину ничего отвечать! Я к нему не пойду. Ну, его... – махнув рукой, произнёс Милороев.

– У меня давление из-за тебя подскочило. Уходи, Милороев, – потребовал Юрчиков.

Милороев вышел с гордо поднятой головой, а Сергей направился в медпункт.

– Что, снова давление поднялось? Таблетку, что утром вам дала, не помогла? – участливо спросила пожилая докторша, которую сотрудники прозвали Кряковной.

Она постоянно вздыхала и произносила слова скрипучим голосом, словно крякала. Это была добрая темноглазая седая старушка, которая могла измерить давление, снять кардиограмму, сделать укол и дать лекарства, а самое главное, имела право выписать освобождение от службы или направление в поликлинику.

– Таблетка не помогла. К начальнику ходил, с подчинённым переговорил, и теперь голова раскалывается от боли, – пожаловался Юрчиков.

Кряковна измерила у него давление и покачала головой.

– Даже не знаю, что делать? – развела руками Кряковна. – С таким высоким давлением вас надо серьёзно лечить. Но выписать направление в ведомственную поликлинику я не могу.

– Почему? – удивился Юрчиков.

– Заразин меня час назад к себе вызвал и распорядился освобождение никому не давать, направления не выписывать. Он сказал, что все сотрудники должны сдать зачёты по физподготовке.

– А вы кому давали клятву – Заразину или Гиппократу? – поинтересовался Сергей.

Кряковна молчала, нервно теребя в руках медицинскую карту Юрчикова.

– Но ведь вы подчиняетесь руководству ведомственной поликлиники, а не Заразину! – воскликнул Юрчиков.

– Да вы успокойтесь! А то вон как покраснелись! – проскрипела Кряковна.

– Как же я теперь успокоюсь! – воскликнул Юрчиков.

– Не шумите, пожалуйста! – озираясь на закрытую дверь, попросила Кряковна.

– Я буду шуметь! – пообещал Юрчиков.

– Ладно. Я выпишу вам направление в ведомственную поликлинику. Только, пожалуйста, доберитесь туда живым! – попросила Кряковна и дрожащей рукой стала выводить каракули на справке, а потом поставила в углу печать.

Юрчиков взял справку и, поблагодарив Кряковну, вышел из кабинета.

– Что же это я? Совсем растерялась. Давайте я вам хотя бы инъекцию сделаю! – спустя минуту крикнула вслед пациенту докторша.

Однако Юрчиков уже не слышал её.

Кряковна осталась сидеть неподвижно, словно сама не веря, что всё же решилась на тихое восстание против Заразина и выписала направление в поликлинику.

Юрчиков направился к проходной. Чтобы его не донимали телефонные звонки, он отключил мобильник. В тот день полковнику Заразину так и не удалось увидеть отчёт Юрчикова о работе с личным составом.

Юрчиков добрался до поликлиники и попал на приём к терапевту. Полная кареглазая темноволосяя женщина средних лет измерила ему давление, выписала ему освобождение на три дня от службы и направила на диспансеризацию.

- Вам необходимо пройти десять врачей, – объявила врач.
- Может, я потом их пройду, когда поправлюсь? – спросил Юрчиков.
- У вас должны быть все необходимые записи в медицинской карте.
- Зачем больного человека гонять по врачам? Всё равно от диспансеризации нет никакого толка.
- Вы нас, врачей, обижаете... Сейчас начните проходить специалистов. Пройдите сегодня хотя бы невролога, психиатра и окулиста, – предложила врачиха, протягивая Юрчикову карту.
- Хорошо, – согласился Сергей.
- Очереди к психиатру не было, и Юрчиков зашёл в кабинет.
- За столом сидел темноволосый худощавый врач в белом халате и в чёрных очках.
- Заходите. Присаживайтесь, – пригласил пациента психиатр..
- Я прохожу диспансеризацию, – сказал Сергей, передавая врачу карту.
- Это прекрасно, – безучастно произнёс психиатр и поинтересовался:
- Вредные привычки есть?
- Нет, – ответил Юрчиков.
- Пьёте много?
- Я же сказал, что вредных привычек у меня нет.
- Так вы всё-таки считаете, что пьянство – это вредная привычка? – спросил психиатр.
- Конечно, – кивнул Юрчиков.
- Неужели совсем не пьёте? – как показалось Сергею, расстроено спросил психиатр. – Так вы совершенно не употребляете спиртных напитков?
- Нет.
- А о суициде подумываете? При вашей службе как о нём не подумывать-то?
- Да вы что?! – воскликнул Юрчиков.
- Вы нервничаете! – обрадовался психиатр.
- Нисколько, – стараясь сохранить хладнокровие, сказал Сергей.
- Вы не любите, когда вам задают неприятные вопросы?
- А кто это любит?
- Пси-и-и-хи, – растянув первую гласную, произнёс врач, и тонкие губы его растянулись в улыбке.
- Я не псих, – ответил Юрчиков и тут с ужасом почувствовал, что правое веко у него дёрнулось.
- А как вы считаете, терапевт, который вас ко мне направил – безжалостная женщина?
- Почему же она безжалостная?
- А разве нет?
- Она хорошо ко мне отнеслась.
- А я вот читаю карту и вижу, что у вас сейчас повышенное давление. А она вас ко мне направила. И вообще потребовала, чтобы вы прошли диспансеризацию. Каково вам с вашим высоким давлением ходить по поликлинике!
- Мне нравится ходить по поликлинике с высоким давлением.
- Врач что-то записал в карту, а потом поставил свою печать.
- Можете идти. У меня больше вопросов к вам нет, – сказал психиатр.
- Сергей направился к двери.
- А психика у вас всё же не совсем в порядке, Юрчиков, – произнёс врач.
- Юрчиков оглянулся и, посмотрел на психиатра.
- У вас не всё в порядке с психикой, если вы всё ещё продолжаете служить в вашем Управлении.
- У вас здесь не лучше, – сказал Сергей.
- Не лучше, – вздохнув, согласился психиатр.

Юрчиков вышел из кабинета психиатра и приблизился к очереди, толпившейся у кабинета невролога.

– Куда лезете без очереди? – кричала толстая тётка в розовой кофте, пытаясь оттеснить своей грудью добрый десяток молодых лейтенантов от двери кабинета.

– Что за шум. Что происходит? – спросила вышедшая из кабинета невысокая сероглазая женщина в белом халате.

– Ишь, вздумали всем подразделением держать очередь! Один очередь занял, а с ним ещё десять человек пролезть к врачу вздумали. У, мордovorоты! – потрясая кулаком, кричала толстая женщина.

– Если не смолкнете, к психиатру направлю! – пообещала докторша и захлопнула дверь.

Тут же дверь приоткрылась, и она сообщила:

– Кварцевание кабинета – полчаса.

Дверь захлопнулась.

– Как же! Кварцевание у них! Они с медсестрой чай пьют с тортом! – проворчала тётка в розовой кофте.

– Наверно, сегодня к врачу не попаду, – грустно сказал полный мужчина средних лет с короткой стрижкой.

Юрчиков решил не занимать очередь к неврологу и направился к окулисту.

Возле кабинета окулиста очередь была намного меньше, чем у невролога, а пациенты – намного спокойнее. Юрчиков занял очередь и сел в кресло.

Полный лысый мужчина в старомодных роговых очках что-то рассказывал светловолосой девушке в капитанской форме. Девушка хлопала длинными накладными ресницами и бесстрастно смотрела на него своими бездонными голубыми глазами.

– Лет десять назад в этой поликлинике приключилась жуткая история. Пришёл один мужчина на диспансеризацию. Ему окулист закапал в глаза жидкость, и тот сидел в очереди в ожидании проверки зрения, – рассказывал мужчина в роговых очках. – А потом его повели в кабинет, потому что он не мог идти сам, поскольку уже ничего не видел, поскольку врач закапала ему в глаза какую-то едкую жидкость, и он ослеп.

– Как это – ослеп?! – всплеснула руками блондинка.

– Полностью! Навсегда ослеп! – выпалил лысый мужчина.

Девушка вздрогнула.

– А что же врач? – испуганно спросила капитан-блондинка.

– А врача уволили, – махнул рукой мужчина. – Не сажать же за это человека!

– Да враньё это! Нехорошо, мужчина, слухи распускать, – осуждающе сказала пожилая добродушная женщина.

– Так об этом случае в газете писали... Это ещё что! – сказал мужчина в роговых очках. – Однажды в этой поликлинике стоматолог, когда удалял у меня зуб мудрости, сделал анестезию в сухожилие. Так я потом неделю жевать пищу не мог.

– Хватит! Не надо больше ничего говорить! – всхлипнув, попросила капитан-блондинка.

– Я тоже сейчас уйду, – заявила добродушная женщина.

– А чего вы собственно боитесь, девушка? – спросил лысый мужчина в роговых очках.

– Мне должны измерить давление глазного дна, – проговорила девушка.

– Это просто. Дунут из аппарата воздухом в глаз – и все дела! – успокоила её женщина в шляпке.

– Главное, чтобы они аппарат починили. А то, в прошлый раз я разговор врача с медсестрой слышал, что этот аппарат не прошёл поверку, – сказал мужчина в очках.

– А что это за проверка? – поинтересовалась капитан-блондинка.

– Не проверка, а поверка, – поправил её мужчина в очках.

– Ну и что же случится, если аппарат не пройдёт поверку? – спросила добродушная женщина в шляпе.

– К примеру, давление воздуха может повыситься и тогда – всё! – пояснил мужчина.

– Что значит: «Всё?» – спросила девушка.

– Дунут в глаз сжатым воздухом с излишним давлением, и глазное яблоко лопнет! – сказал лысый мужчина в роговых очках.

Из двери вышел пожилой мужчина в очках с огромными линзами и, проверяя перед собой дорогу тростью, медленно направился по коридору.

– Ну, вот, пенсионеру уже помогли, – весело сказал мужчина. – Теперь ваша очередь!

– Следующий! – послышался приятный женский голос из кабинета.

– Нет! Я не пойду, – сказала капитан-блондинка и упорхнула вдаль по коридору.

– Я тоже, пожалуй, в следующий раз к окулисту зайду, – сказала добродушная женщина.

– Что ж, тогда рискну я, – сказал довольный лысый мужик в роговых очках и прошмыгнул в кабинет.

Всё-таки Юрчиков прошёл окулиста, который сделал запись в карте, что у пациента повышенное давление глазного дна.

Поздно вечером Юрчиков вернулся домой.

– На тебе лица нет. Ты заболел? – спросила его Катя.

– Давление подскочило. Если бы ты знала, как я сегодня устал! – снимая куртку, проговорил Юрчиков.

Добравшись до дивана, Сергей, не раздеваясь, лёг на него, и заснул крепким сном без сновидений.

Глава 4. Чужие на Эрлисете

Наутро Юрчиков ощутил прилив сил. Сергей вспомнил, что сегодня можно не идти на службу и решил ещё немного поваляться в постели.

Затем он встал и обошёл квартиру. Дома никого не было. Юрчиков до вечера занимался домашними делами. Потом он принял выписанные врачом таблетки и позвонил Овсянникову.

– Слушаю! – послышался бодрый голос Овсянникова.

– Олег, тебе лучше? – спросил Юрчиков.

– Намного. А ты откуда звонишь? Со службы? – поинтересовался Овсянников.

– Я дома. Снова давление поднялось.

– Понятно. Прессуют на службе?

– Прессуют.

– А ты что-нибудь пишешь?

– Ничего не пишу. И сны мне сегодня не снились, или я их не помню.

– А мне приснилось нечто странное.

– Расскажи.

– Слишком долго рассказывать. Лучше приезжай ко мне.

– Так у меня постельный режим. Шутить с давлением нельзя. Я и так вчера в нашей поликлинике так измотался, что чуть живой до дома добрался.

– После тех снов, в которых мы побывали на далёкой Бригде, мы с тобой чуть ли не инвалидами стали, – грустно сказал Овсянников.

– Причина моего повышенного давления – вчерашняя беседа с Заразиным, – сказал Юрчиков и тут он почувствовал усталость и прилёг на диван.

– Я тебе позже перезвоню, а то меня в сон потянуло. Может, это из-за лекарства. Пожалуй, я немного отдохну, – сказал Сергей и тут же провалился в глубокий сон.

К нему пришли удивительные видения и странное ощущение себя внутри чужого тела. При этом все события, происходящие с ним во сне, казались ему реальными. Однако в отличие от снов, в которых он побывал на ледяной планете Бригде, на этот раз он не просто наблюдал за происходящим со стороны, а сам был участником событий. Ему казалось, будто его душа, одновременно находилась и в Сергее Юрчикове, и в ином существе. Он не мог понять, откуда взялись странные разумные лысые создания с синими миндалевидными глазами, которые теперь окружали его. При этом непостижимым образом ему стала известна вся прошлая жизнь того разумного существа мужского пола, которым он теперь стал.

Он сам и все его сородичи были не похожи на людей. Их ужасные рты напоминали жвала насекомых. Вместо ушей и носов у них были отверстия, а под нижней челюстью располагались жаберные щели. Он с удивлением посмотрел на шестипалые кисти своих рук и удивился – на них были перепонки! Кожа на его длинных руках и ногах была зелёная.

У некоторых существ кожа, как и у него, была зелёная, а у других – серая. Зеленокожие были облачены в коричневые короткие туники, а на серокожих была серебристая одежда.

Юрчиков или тот, кем он теперь стал, наблюдал за окружающим его чужим миром, сидя на дне песчаного карьера с лопатой в руке. Он привалился спиной к железному контейнеру, который ему надо было до вечера наполнить белым песком, сверкающим под лучами двух светил, висевших на зелёном небосводе. Одно светило было сиреневым, а другое – голубым.

Он закрыл глаза и стал вспоминать, что с ним происходило раньше в этом мире.

Он принадлежал к зеленокожей расе суринов. Серокожие и зеленокожие суриновы в незапамятные времена поселились на планете, которую они называли Эрлисетом. Согласно древним легендам суриновы прибыли на Эрлисет, спасаясь от катастрофы на родной планете,

расположенной в той же системе двух светил. Часть знаний и технологий была утеряна спасшимися суринатами, а условия на новой планете – Эрлисете оказались для них не совсем подходящими. Здесь была слишком высокая сила тяжести. Многие сурилаты ломали себе ноги и позвоночник, пока не остались лишь самые выносливые потомки переселенцев с крепкими костями.

Выжившие сурилаты долгие века возвращались к уровню той цивилизации, которая существовала на их родной планете. Им удалось достичь достаточно высокого уровня технического развития. Конечно, о полётах в космос ещё не могло быть и речи, но сурилаты построили города и изобрели огнестрельное оружие. В качестве транспорта использовались автомобили и воздушные шары.

Сурилаты селились возле океанского берега или по берегам рек и озёр, поскольку некоторое время им было необходимо проводить в воде.

На Эрлисете не было государств, и не велась войны. Сурилаты использовали оружие лишь для охоты и для защиты от хищников. Впрочем, с некоторых пор оружие также использовалось для принуждения к подчинению зеленокожих сурилатов серокожими.

Представители этих двух рас могли породниться друг с другом. При этом дети от смешанных браков рождались либо серокожими, либо имели зелёную кожу. Других вариантов не было. Со временем смешанные браки между суринатами были запрещены. К тому времени две расы сурилатов заняли различное положение в социальной иерархии. Общество раскололось на обеспеченных серокожих и нищих зеленокожих сурилатов.

Ещё несколько веков назад серокожие сурилаты – держазы, заняли плодородные южные территории единственного континента на Эрлисете, расположенного в северном полушарии. Воды океана в тех местах изобиловали рыбой и другими водными животными. В этих краях появились самые крупные разбогатевшие города.

Зеленокожие сурилаты – эргозы, жили в северных областях. Редкие смешанные браки завершались тем, что серокожие дети уходили жить к своим богатым сородичам в города, а зеленокожие сурилаты влачили полуголодное существование в северных краях. Затем правительство, состоящее из серокожих сурилатов, запретило смешанные браки.

Зеленокожие сурилаты уходили в города держазов, где нанимались слугами к серокожим, а потом они стали устраиваться на работу на обширных плантациях крокизи и могири – корнеплодов, которые имели соответственно синий и зелёный цвет.

Со временем зеленокожие сурилаты стали рабами. Им запрещалось иметь оружие и уж, тем более, использовать его против серокожих. Хозяева – держазы использовали труд зеленокожих не только на плантациях, но и на рудниках, заставляли их охотиться на крупных лесных хищников – эриожавов, мясо которых ценилось серокожими гурманами.

Юрчиков понял, что теперь он был зеленокожим сурилатом и его удел – быть рабом у серокожих сородичей.

– Эй, Алдир! Ты не слышишь? Я к тебе обращаюсь! – услышал он голос серокожего сурилата, который направил на него ружьё.

Держаз стоял над ним и зло скрежетал жвалами.

– Так ты, наконец, будешь работать, зеленокожий урод?! – выкрикнул держаз.

Алдир вспомнил своё имя и всё понял, хотя ему показались странными скрежещущие звуки, произносимые целившимся в него из ружья серокожим охранником. Это был чужой незнакомый язык, но он его понимал.

Больше ничего вспомнить про жизнь в этом странном мире Алдир не смог. А вскоре Алдир уже забыл то имя, которое носило другое разумное существо, которое пребывало во сне на далёкой планете.

Он понимал, что должен вспомнить события, которые предшествовали его работе в песчаном карьере. Алдир видел, что держаз готов был его пристрелить. Он знал, что ему надлежит выполнять любые команды держазов. Алдир поспешно встал и схватился за лопату.

Держаз опустил ружьё и стал наблюдать за другими эргозами, которые работали в карьере. Алдир взглянул наверх. На краю карьера стояли пять охранников-держазов с ружьями. Алдир повёз нагруженную песком тачку вверх по крутому склону. Поднявшись, он вывалил песок на песчаную кучу. Другие эргозы лопатами забрасывали песок из этой кучи в грузовик с деревянными бортами, за рулём которого сидел держаз.

На обратном пути с пустой тележкой Алдир успел окинуть взглядом окрестности вокруг карьера. Вокруг лежала равнина, поросшая высокой серебристой травой с золотистыми метёлками, среди которой выделялись растения с толстыми сиреневыми стеблями и большими фиолетовыми листьями. На равнине росли редкие высокие деревья с коричневыми стволами и синими густыми кронами, среди которых сновали разноцветные птицы.

Неподалёку от карьера располагались окружённые колючей проволокой деревянные одноэтажные бараки, рядом с которыми были вырыты пруды, заполненные мутной коричневой водой.

Дорога, проложенная грузовиком, а, возможно, и другим местным транспортом среди высокой травы, уходила к горизонту, где белели высокие здания. Алдир догадался, что там был город. Возле города синел гигантский водоём, протянувшийся до самого горизонта. Это был Идериоз – столица держазов, которая располагалась на океанском побережье.

Алдир снова попытался вспомнить своё прошлое. Отчего-то в голову полезли воспоминания о его жизни в другом обличье, в котором он жил на далёкой Земле. Алдир догадывался, что вся жизнь, в которой его называли странным именем Сергей Юрчиков, была сном. Это был прекрасный сон, в котором Алдир был почти свободен. В том сне была светлая кожа, на голове росли волосы, похожие на шерсть зверьков уршилов, которые изобилии водились в саваннах и лесах на Эрлисете. А ещё у него были зубы вместо острых жвал. Но всё это было мелочью по сравнению с его свободой в том странном сне, который он отчётливо запомнил, словно он на самом деле жил на далёкой планете.

Алдир поморщился из-за ярких лучей, исходящих от двух светил. Даже когда на одно из светил закрывали белые кучевые облачка, второе продолжало светить.

Слова, которые недавно произнёс охранник, были резкими, совершенно не напоминавшими мелодичную речь губастых жителей далёкой Земли. От того, что та жизнь могла быть не сном, Алдира передёрнуло и затрясло так, что он едва не выпустил из рук тележку. Но, странное дело, его человеческая сущность помнила всё, что было с ним на Земле, а тот, кто был раньше в теле самого Алдира не мог вспомнить, что же происходило с ним до того момента, когда он попал в этот проклятый карьер.

Алдир снова спустился на дно карьера и стал насыпать в тележку песок, поглядывая на охранника с ружьём и на работавших поблизости других эргозов. Лицо одного из эргозов показалось ему знакомым, когда они встретились с ним взглядами. Алдир понял, что отличало этого эргоза от остальных работавших – глаза его были живыми, а не пустыми, как у всех остальных работавших в карьере зеленокожих суринатов. Алдира пугали рассеянные бесстрастные взгляды его сородичей, которые смотрели мимо него, когда он шёл с пустой тачкой вниз.

Алдир вдруг понял, что не сможет больше жить вот так – с утра до вечера перевоза в тележке песок. Он уже познал другую жизнь, полную свободы, лишь немного разбавленную некоторыми ограничениями. А ещё он понял, что люто ненавидит жестоких серокожих суринатов, хотя где-то в глубине его души таилось странное нежное чувство к кому-то из этих сородичей эргозов.

Вероятно из столь явственного сна, в котором побывал Алдир, он вынес слова, которые молоточками стучали в его голове: «Жизнь», «Свобода», «Бегство»!

Он стал серьёзно задумываться о побеге. Насыпав полную тачку песка, он снова покатиł её наверх, стараясь не встречаться взглядом с серокожим охранником.

Держаз проводил долгим взглядом Алдира. Охраннику показалось подозрительным, что эргоз прячет от него взгляд. Это было необычно для Отрешённого эргоза, которому провели специальную операцию на мозге. Такие рабы-эргозы, нарушившие законы Эрлисета работали, беспрекословно выполняя распоряжения своих хозяев. Да и как они могли прекословить, если почти ничего не помнили и даже не могли произнести связно пару-другую слов. Они употребляли только простейшие слова. В этом Отрешённые походили на некоторых животных. Даже прыткие ушастые уршилы повторяли некоторые слова за суринатами, но ведь это не делало их разумными существами!

Алдир снова докатил тачку до кучи песка и опрокинул тележку на эту кучу. Он позавидовал своим собратьям, которые уселись вокруг кучи песка и отдыхали. Нагруженный песком грузовик уже укатил, и теперь они могли отдохнуть.

– Эй, ты! Что встал? – послышался окрик одного из охранников, стоявших на краю карьера, который вытащил из-за пояса плеть.

Держаз, не выпуская из правой руки ружьё, хлестнул плетью по песку. Алдир вздрогнул и с пустой тачкой быстро сбежал вниз.

– Что-то ты стал слишком задумчив, как я погляжу? – спросил находившийся на дне карьера охранник, приблизившись к Алдиру.

Алдир принялся насыпать песок.

– Так ли хорошо тебя прооперировали? – поинтересовался держаз и внимательно посмотрел на затылок Алдира.

Охранник повесил на плечо ружьё и брезгливо потрогал голову эргоза.

– Да вот же он, этот шрам! – словно успокаивая себя, сказал охранник.

Алдиру были неприятны прикосновения холодных пальцев держазы. Он оглянулся и поморщился. Жвала охранника недовольно заходили.

– У тебя ещё остались эмоции? То-то я, гляжу, что-то с тобой не так! – воскликнул охранник.

Алдир резко отвернулся, но было уже поздно.

– Ты что-то соображаешь! – проскрежетал держаз и, схватив за плечо, повернул Алдира к себе.

Он ударил Алдира по лицу, и у эргоза мотнулась голова.

– Ты не смеешь меня бить, проклятый держаз! – прохрипел Алдир.

Голос показался Алдиру чужим и гулким, словно это говорил не он.

– Что?! Ты произносишь фразы? – изумился охранник. – И ты смеешь оскорблять держазы!

Охранник нацелил ружьё на голову держазы.

– Может, ты что-нибудь задумал? Уж не сбежать ли решил? – спросил охранник.

Алдир исподлобья посмотрел на охранника.

– Ты слишком смышлён для Отрешённого эргоза! – воскликнул охранник. – Будет лучше, если я тебя пристрелю, а тело отдам на исследование. Видно, учёные что-то упустили, когда занимались тобой.

Держаз усмехнулся и прислонил к виску Алдира дуло ружья. Алдир готовился умереть, понимая, что шансов на спасение нет.

В этот момент охранник выронил ружьё и завалился на песок, раскинув в стороны длинные руки. Алдир изумлённо взглянул на эргоза с внимательным взглядом, который держал в руках окровавленную острую лопату. Мёртвый держаз лежал с пробитым черепом.

– Как ты его ловко прикончил! – удивлённо сказал Алдир.

Убийца охранника вытер о белый песок жёлтую кровавую слизь и удивлённо произнёс:

– Я сам от себя такого не ожидал.

Сверху загрохотали выстрелы. Алдир и спасший его эргоз упали на песок.

Увидев убитого держазы, охранники открыли стрельбу по работавшим в карьере эргозам. Вскрикивая, несчастные эргозы падали замертво или получив ранение, корчились, истекая золотистой кровью.

Эргоз, убивший охранника, схватил его ружьё и выстрелил в одного из держазов, который схватился за грудь и скатился по склону на дно карьера. К нему подбежал Алдир и подобрал его ружьё.

Алдир и его заступник стали отстреливаться. Ещё два держазы, сражённые меткими выстрелами, упали замертво. Оставшиеся в живых два охранника вместе с водителем подъехавшего к карьере грузовика укрылись за машиной.

– Меня зовут Илмож, – сказал Алдиру его спаситель, когда они поднимались по склону.

– Я – Алдир, – представился Алдир.

Остальные эргозы, которых не зацепили пули охранников, продолжали работать. Они даже не сделали попытки бежать вместе с Алдиром и Илможем.

Как только беглецы выбрались из карьера, из-за грузовика, где укрылись два охранника и водитель, раздались выстрелы. Илмож и Алдир скрылись в зарослях высокого бурьяна.

– Надо добраться до океана, а потом проследуем на север, где укрываются беглые рабы, – решил Илмож и добавил:

– Идти по саванне опасно. Лесов здесь мало, трава не везде высокая, а местами она стоит сухая. Если держазы подожгут сухую траву, мы погибнем.

– Откуда ты знаешь, что следует идти на север? – спросил Алдир.

– Я многое помню. Я даже помню, как у меня ковырялись в голове учёные-держазы в городской клинике. Да только они не лишили меня памяти, – проскрежетал жвалами Илмож и потрогал свой затылок.

Алдир тоже потрогал свой затылок и нащупал шрам.

– Не обращай внимания на шрам. Ты почти нормальный эргоз, а не полностью Отрешённый. У тебя живые глаза и ты борешься за жизнь. Только кажется с памятью у тебя не все в порядке, – сказал Илмож.

– Надо добраться до воды. Неподальёку отсюда я вижу пруды. Можно скрыться в их мутной воде. Ведь мы можем плавать под водой – у нас перепонки на руках и ногах, – сказал Алдир.

– Видно здорово тебе отшибли память серокожие мерзавцы, если ты даже про это спрашиваешь! Только знай, возле прудов нас точно подстрелят. Пруды мелкие и располагаются на открытом месте. Надо добраться до океана. Там мы сможем ненадолго укрыться в воде.

– Почему ненадолго? Разве мы не можем жить под водой? – спросил Алдир.

– Мы не сможем долго находиться под водой. В этом отношении нам далеко до рыб. А о страшных хищниках – мельзубах, обитающих в океане ты ничего не слышал? Неужели ты и про всё это не помнишь?

Алдир покачал головой.

– Об ужасных мельзубах в детстве каждому ребёнку родители рассказывают страшные сказки, – удивился Илмож. – Если бы мы, эргозы, могли долгое время жить под водой, а океан не кишел бы стаями мельзубов, мы никогда не стали бы рабами у держазов.

– К прудам всё же надо пробраться. Я очень хочу пить, – признался Алдир.

Илмож сломал толстый сиреневый стебель высокого растения с широкими фиолетовыми листьями, из которого вытекла влага. Илмож передал половину стебля Алдиру, и тот выпил из него прохладный сок. Затем он облизал стебель длинным тонким языком.

Едва эргозы успели утолить жажду, как поблизости послышались громкие скрежещущие голоса.

– Держазы нас ищут, – сказал Алдир и нервно заскрежетал жвалами.

– Они нас боятся, – сказал Илмож.

– Скрываясь в высоком бурьяне, мерзкие эргозы доберутся до океанского побережья. Оттуда короткими заплывами под водой они могут добраться до северных территорий, – рассуждал один из держазов, которые подошли совсем близко к укрывшимся в траве эргозам.

– Как только им удалось сбежать и убить столько охранников? – удивлялся второй держаз.

– Эти негодяи напали неожиданно. Ты видел, как один из них лопатой зарубил Дрезна?

– Другого нечего было ожидать. Ведь здесь в карьере работали одни преступники.

– Но ведь они все были Отрешёнными! Они должны были помнить лишь своё имя да несколько команд, на которые должны откликаться. По крайней мере, в этом нас уверяли учёные, которые успели поковыряться у них в мозгах.

– И вот эти два Отрешённых эргоза перебили столько наших парней! Да ещё зеленокожие мерзавцы завладели их оружием!

– Слушай, а ведь здесь опасно оставаться с ними наедине. Может, укроемся снова за грузовиком, пока не пришла помощь, которую я уже вызвал по рации.

– Вот что я придумал! Ведь нам с тобой здорово попадёт от начальства, если до прибытия суперкоманды мы не схватим злодеев. А поэтому надо принять меры.

– Какие?

– Сейчас увидишь. Пойдём.

Держазы ушли. Алдир удивлённо взглянул на Илмोजа и поинтересовался:

– Что они задумали?

– Пока не знаю, – ответил Илмож.

И тут послышался гул двигателя.

– Они нас решили раздавить! – проговорил Алдир.

Тарахтевший грузовик приближался к беглецам. Алдир привстал на цыпочки и увидел надвигающийся на них грузовик, водителя и стоявших в кузове за кабиной двух серокожих охранников.

Алдир и Илмож побежали, сминая траву, а потом, когда грузовик заурчал за их спинами, остановились, обернулись и выстрелили в преследователей. Пуля угодила в лоб водителю и в грудь одному из охранников. Грузовик едва не раздавил беглых эргозов. В это мгновение Алдир совершил невероятный прыжок в сторону. Он не ожидал, что сможет прыгнуть так далеко.

Илмож тоже прыгнул, только не в сторону, как Алдир, а в кузов, перелетев через кабину грузовика. Он опустился на ноги и прикладом ружья ударил по голове оставшегося в живых охранника. Оглушённый держаз вылетел из кузова, а Илмож выпрыгнул следом за ним.

Грузовик ещё некоторое время ехал, заворачивая влево, а затем подъехал к краю карьера и скатился по крутому склону. Раздался взрыв, и над карьером поднялись клубы чёрного дыма.

Алдир подбежал к Илможу, склонившемуся над неподвижно лежавшим держазом.

– Этот держаз жив, только он без сознания – определил Илмож.

– И что мы будем с ним делать? – поинтересовался Алдир.

– А что с него взять? Пусть живёт.

– А ты ловко запрыгнул в кузов! – восхищённо произнёс Алдир.

– Да и ты тоже сиганул в сторону здорово! – отметил Илмож.

– Я не думал, что я могу так далеко прыгать.

– Эргозы намного более прыгучи, чем держазы.

Алдир задумался.

– Хочу спросить тебя, кто ты такой? – взглянув в глаза Алдиру, поинтересовался Илмож.

– Как это, «кто такой»?

– Не притворяйся! Ты же сам понимаешь, что ты не совсем Алдир. Ведь ты другой. Признайся, ты удивлён, что у тебя такое странное тело?

– Да, – признался Алдир. – Мне кажется, то ли в своём недавнем сне я был другим, то ли я сейчас сплю... Я прожил другую жизнь на другой планете, прежде чем ощутил себя Алдиром. Там было относительно спокойно. В той жизни я был свободен и... я был другим! А про жизнь Алдира у меня остались только обрывки воспоминаний.

– Тебе повезло больше, чем мне, – вздохнул Илмож.

– Почему ты так говоришь? – удивился Алдир.

– Потому что, кроме жизни в том далёком мире в ином теле, я относительно неплохо помню свою бывшую жизнь в теле Илможа. У меня сейчас такая мешанина в голове! Ведь в другой жизни у меня не было жвал, а на руках и ногах не было перепонок. А ещё я умел рисовать картины, – сообщил Илмож.

– А я иногда надевал странную одежду, которая называется формой. А ещё я был писателем. Странно, но ту жизнь я помню хорошо. У меня был друг – художник.

Оба эргоза внимательно посмотрели друг на друга.

– А что, если ты и есть тот самый мой далёкий друг? – всматриваясь в лицо Илможа, произнёс Алдир.

– Я не помню имён, которые были там, – признался Илмож.

– Я вроде помнил своё имя сразу после сна, а теперь забыл. И не могу вспомнить место, где всё происходило.

– Мне кажется, что мы были знакомы там, в том далёком мире... А на этой планете я не помню тебя. Мы с тобой встретились впервые здесь, в этом карьере.

– Так, может, наши жизни в чужом мире – это вовсе не сон?! – воскликнул Алдир. – Скажи, Илмож, может нам снова уснуть, и тогда мы покинем этот ужасный мир, в котором мы с тобой всего лишь беглые рабы?

– Не знаю. Пока я плохо понимаю, что со мной происходит. Подозреваю, что простым возвращением в сон не обойтись.

– Скажи, что со мной сделали серокожие? – спросил Алдир.

– Их врачи поработали над твоим мозгом и отняли у тебя память. Со мной вышло иначе. Я помню свою прошлую жизнь на Эрлисете.

– За что они так поступили со мной?

– Вчера я подслушал разговор охранников. Они говорили о тебе. Алдир, ты участвовал в подготовке восстания эргозов, но тебя и других заговорщиков схватили. Многих казнили, а других сделали Отрешёнными. Из тебя тоже хотели сделать Отрешённого, но у врачей что-то пошло не так, и им удалось лишь частично лишить тебя памяти. Ты помнишь своё имя... Значит, ты тот самый Алдир, о котором я слышал раньше, – сказал Илмож.

Алдир обескуражено посмотрел на Илможа.

– Я вспоминаю слово, которое бы сказали про Отрешённого в другом мире. Такие существа там называются зомби! – сказал Алдир.

– Удивительно! Ты начинаешь вспоминать то, что было там.

– Я многое помню из того, что происходило со мной на далёкой планете. А здесь проклятые держазы лишили меня памяти. А за что ты оказался в этом карьере?

– Я полюбил серокожую девушку и стал с ней встречаться, а это сурово карается по законам держазов... Когда я жил на далёкой планете, я был холост, и у меня не было возлюбленной. Но здесь это не имеет значения. Надо выбираться отсюда. К счастью, я не Отрешённый и не потерял память, несмотря на то, что мне врачи тоже продолбили череп. Я многое помню и хорошо ориентируюсь, – сказал Илмож.

– А я хорошо помню, что было со мной на той планете, которая называется Земля. Там так хорошо жить!

– При этом там мы были недовольны жизнью, – вспомнил Илмож.

– Да. Хочется, чтобы жизнь была идеальной.

– Однако мы с тобой заговорились, а нам надо как можно скорее отсюда уходить. Наверняка охранники уже вызвали подкрепление. Сейчас нас наверняка станут разыскивать с помощью воздушных шаров, – предположил Илмож.

Тут послышалось урчание двигателей грузовиков.

– Я не угадал, – сказал Илмож. – Держазы сюда спешат не на воздушных шарах, а на нескольких грузовиках. А у меня патроны закончились.

Илмож отбросил ружьё в сторону и подобрал другое, лежавшее рядом с охранником, который в этот момент пошевелился.

– Может, прикончим его? – спросил Алдир.

– Будь я только Илможем, наверняка пристрелил бы этого мерзкого держазу, но тот художник из иного мира, который тоже живёт во мне, никогда бы так не поступил, – сказал Илмож.

– И я не смогу его убить. Ладно, когда на тебя нападают, а так просто не смогу, – признался Алдир.

– Не узнаю я тебя, заговорщик! – удивился Илмож. – Ведь ты вместе со своими соратниками собирался взорвать правительственные здания в Идериозе и поднять эргозов на восстание... Впрочем, об этом ты почти ничего не помнишь.

– Грузовики уже близко. Бежим! – услышав приблизившийся гул двигателей, крикнул Илмож и помчался по высокому бурьяну.

Алдир побежал следом за ним.

Три грузовые машины, в кузовах которых сидели вооружённые ружьями держазы, по грунтовой дороге подъехали к карьору и остановились.

Держазы выбрались из машин и стали осматривать карьер, в котором лежали трупы убитых эргозов, держазов и валялся обгоревший грузовик. На дне карьера копошились уцелевшие эргозы, которые продолжали насыпать песок в тачки. Они совершенно не обращали внимания на то, что происходило вокруг них.

Прибывшие держазы выслушали пришедшего в себя после удара прикладом по голове охранника. Затем они снова забрались в кузова трёх грузовиков. Машины, выстроившись в ряд, поехали по полю, сминая высокую траву.

К счастью для беглецов на пути им встретилась река. Бросив в бурьян ружьё, Илмож прыгнул в реку и тут же скрылся под водой. Алдир несколько мгновений сомневался, сможет ли он плыть под водой. Потом он оставил на берегу ружьё, зашёл в воду и поплыл по течению, не рискуя нырнуть. Опыт землянина подсказывал ему, что под водой он долго не продержится. Однако услышав приближающийся гул двигателей машин, он с головой ушёл под воду. В воде он не ощутил дискомфорта.

Алдир видел перед собой Илмоза и старался не отставать от него. Вскоре русло реки расширилось, а вода стала солоноватой. Алдир догадался, что они достигли устья реки, впадавшей в океан.

Илмож оглянулся, подплыл к Алдиру и указал рукой назад. Алдир заметил в мутной воде размытые тени – держазы преследовали их под водой. Мимо них пронёсся трезубец, который вонзился в грунт, поднимая со дна клубы илистой взвеси.

Держазы стали стрелять в беглецов из подводных ружей.

Алдир и Илмож быстро поплыли дальше. Им удалось оторваться от преследователей.

Речные берега расступились, и беглецы оказались в океане. Они поплыли над ровным жёлтым песчаным дном, в котором росли кустики розовых и синих водных растений, над которыми металась стайка мелких серебристых и фиолетовых рыбок. Илмож повернул к крутому океанскому берегу, укрепленному вертикальной бетонной стеной, в которой было несколько круглых отверстий, закрытых решётками.

Тут Алдир почувствовал, что начинает задыхаться. Голова у него закружилась, а перед глазами засверкали золотистые искорки. Рядом с ним стал опускаться на дно ослабевший Илмож. Алдир подхватил его под руки и поплыл вверх. Они вынырнули около высокой отвесной бетонной стены. Алдир с наслаждением вдохнул свежий воздух. Илмож дышал прерывисто и тяжело.

– Кажется, со мной случился обморок, – проговорил Илмож. – Мы слишком долго находились под водой.

– Что это за стена? – спросил Алдир.

– Эта стена ограждает городскую набережную от размывания океанскими волнами. Мы добрались до Идериоза.

– По отвесной стене нам не выбраться на набережную.

– Нам нельзя выбираться на набережную. Нас там схватят. Ты не забыл, что ты беглый раб? Нам надо плыть вдоль этой бетонной стены, а потом скрыться за пределами города. Только не станем надолго уходить под воду. Надо почаще подниматься на поверхность.

– В Идериозе живут эргозы? Мы можем у них найти убежище?

– В городе живут эргозы. Они работают слугами, строителями и уборщиками. Эргозы – рабы. Так что, не только мы с тобой чужие на Эрлисете, но и сотни тысяч остальных эргозов, по сути, чужие на своей родной планете! – грустно сказал Илмож. – Искать убежище в городе, по которому сейчас наверняка, рыщут вооружённые ружьями держазы, опасно.

– Кажется, начинает смеркаться, – заметил Алдир. – В темноте нам будет легче скрыться.

– Возможно. Только полная темнота тут никогда не наступит. Я понял, что ты подумал о тёмном времени суток. На этой планете не бывает так темно, как по ночам в том мире, о котором ты помнишь. Ночью здесь бывают сумерки. На Эрлисете оба светила никогда не заходят одновременно.

– Как местные светила не перепутать? – глядя на край фиолетового светила, опускавшегося в океан, спросил Алдир.

– Эти светила называются Эрж и Эржея. Ставший у горизонта фиолетовым Эрж сейчас садится за горизонт, а с другой стороны, над городом, уже поднимается тёмно-синяя Эржея. Эрж немного крупнее Эржеи. Когда Эрж поднимается высоко над горизонтом, он приобретает сиреневый цвет, а Эржея становится голубой. Существует легенда, в которой брат и сестра, Эрж и Эржея однажды решили сделать огромный воздушный шар и подняться высоко в небо...

– Давай ты расскажешь мне про светила в следующий раз, – прервав Илможа, сказал Алдир. – Сейчас не до легенд.

– Ты прав. Надо плыть дальше. И хорошо, если от нас отстали преследователи, которые нырнули следом за нами в реку. Скоро нас будут искать в океане. Поэтому надо спешить.

– Когда мы плыли под водой, я видел небольшие отверстия, закрытые решётками.

– Это трубы, которые идут из города.

– Они предназначены для сброса отходов и мусора в океан?

– Нет. Канализационные воды не сбрасываются в океан. Их вывозят на поля или свалки, – пояснил Илмож.

– А для чего используются эти трубы?

– Для выхода в океан на охоту и для купания в тёплое время. Нам повезло, что сейчас вода прохладная и никого в океане нет.

– А мельзубы, о которых ты рассказывал? Разве купающиеся их не боятся?

– Стаи мельзубов приближаются к берегу в те дни, когда вода холодная.

– Как сейчас? – спросил Алдир, и его не столько от холода, сколько от страха, пробила сильная дрожь.

– Кстати, они приближаются! – взволнованно сказал Илмож, всматриваясь вдаль. – Сюда плывут мельзубы. Видишь, вода бурлит.

– Эти серебристые создания, выпрыгивающие из воды, которая словно кипит в том месте, и есть страшные мельзубы? Это не рыбы?

– Это не рыбы. Ты удивлён?

– Я думал, что мельзубы – крупные хищники.

– Они мелкие, но страшные хищники. Это очень прожорливые существа.

– Тогда, не мешкая, надо нырнуть и попытаться проникнуть в один из труб, ведущих в город, – решил Илмож. – Мы не успеем доплыть до городской окраины вдоль берега – мельзубы нас сожрут. Всё же, как это ни опасно, нам придётся искать спасение в городе. Я знаю, как открыть замки на решётках, – сказал Илмож и нырнул.

Алдир последовал за ним.

Беглецы поплыли вдоль подводной части бетонной стены. Илмож приблизился к одному из отверстий, которое было закрыто решёткой. Обнаружив в стене рядом с решёткой небольшое углубление, он потянул на себя рычаг. Решётка со скрежетом открылась. Илмож подтолкнул Алдира, и тот вплыл в трубу. Илмож последовал за ним и с помощью рычага, закрыл за собой решётку, в которую тут же врезалась стая мелких серебристых хищников. Решётка выдержала удар. Сквозь её мельчайшие ячейки в подводный ход проникли лишь мельчайшие личинки мельзубов, заполнившие тоннель мелкой взвесью. Личинки мельзубов не представляли опасности для суринатов, а в застойной воде, даже солёной, они не могли долго жить.

Вода за решёткой со стороны океана заклокотала, однако взрослые мельзубы не могли проникнуть в тоннель.

Илмож поплыл вслед за Алдиром, по уходящей вверх наклонной трубе. Похожая на туман взесь из личинок мельзубов сначала окружала пловцов, но постепенно муть пропала – мельчайшие личинки в узкой трубе, заполненной стоячей водой, подышали или возвращались назад, в океан.

Труба расширилась, и вскоре Алдир и Илмож оказались в просторном водоёме с бетонными стенами. Беглецы вынырнули из воды и осмотрелись. Они находились в большом бассейне, который часто использовался для купания горожан-держазов. Сейчас он был пуст. Илмож знал, что в сумерках горожане спали. Однако сумерки должны были скоро закончиться, и тогда горожане выйдут на улицы Идериоза.

Илмोजа обрадовало отсутствие охранников возле бассейна. Обычно возле каждого из бассейнов, которые соединялись узкими тоннелями с океаном, дежурили вооружённые держазы. Однако в последнее время стало не хватать охранников для таких целей. Серьёзное сопротивление хозяевам жизни стали оказывать выходявшие из повиновения эргозы. Илмож подумал: хорошо, что есть такие эргозы, как Алдир, которые не смирились с рабством и продолжают борьбу. Илмож посмотрел на высунувшего голову из воды и растерянно смотревшего по сторонам Алдира. Илмож подумал, что нынешний Алдир был мало похож на храброго участника сопротивления – борца за свободу эргозов. В нём было больше черт характера того жителя далёкой планеты, который писал сказки о странных мирах. Впрочем, писатель с чужой планеты теперь видел мир глазами Алдира, а это всё-таки было неплохо. Ведь несколько дней назад Алдир был эргозом, лишённым памяти и чувств.

Илмож вспомнил, как он обрадовался, когда увидел живой блеск в глазах Алдира. До этого Илмож проработал в песчаном карьере несколько ужасных дней среди Отрешённых эргозов под охраной жестоких держазов.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств самому Илможу удалось сохранить не только самоощущение, но и память. К тому же, он вдруг осознал, что отчётливо помнит жизнь другого необычного разумного существа с далёкой планеты, где он был другом тамошнего писателя. На Земле тот, кого на Эрлисете звали Илможем, писал картины. На Эрлисете такое было бы невозможно. Ведь эргозам запрещалось писать картины, сочинять музыку и стихи.

«Так кто же я – землянин или суринат?», – подумал Илмож.

Однако долго размышлять было некогда. Они оказались в городе, где легко можно было нарваться на охранников. Илмож знал, что затеряться среди толпы будет сложно – беглецов сразу вычислят. Эргозов на городских улицах всегда было мало. В это время слуги обычно сидели во флигелях и бараках, строители работали и спали на стройках. Сейчас на набережной и на центральных улицах столицы можно было встретить лишь эргозов-уборщиков. Конечно, могли найтись смелые эргозы, которые решились бы укрыть беглецов в своих трущобах, но держазы в ответ на это провели бы карательные акции, как это уже случалось не раз.

Поднявшись по широким бетонным ступеням, Илмож выбрался из бассейна. Алдир последовал за ним.

Они вышли на пустынную набережную, с которой открывался вид на океан. Рядом с бассейном, вдоль набережной, проходила выложенная брусчаткой проезжая часть дороги, к которой примыкали невысокие серые каменные дома. Возле домов, стояли одноместные узкие и длинные легковые автомобили, выкрашенные в серый цвет.

– А легковушки здесь некрасивые и все одинаковые. И дома тоже так себе на вид, – отметил Алдир.

– Помолчи, если не хочешь, чтобы нас схватили! – сердито проговорил Илмож, с удивлением про себя отметив, что Алдир спокойно отнёсся к его словам.

– Ладно, – кивнул Алдир.

«Прежний Алдир – руководитель неудавшегося восстания, вряд ли безропотно снёс такое к себе обращение. Впрочем, того Алдира уже нет, а землянину надо ещё привыкать и привыкать к местным условиям», – подумал Илмож.

Тут он услышал голоса, доносившиеся из переулка, выходившего на набережную.

– Патруль! – тихо сказал Илмож.

Он схватил своего друга за руку, и они скрылись в подворотне раньше, чем на набережную вышел отряд держазов, вооружённых ружьями.

Илмож и Алдир спрятались в нише в стене, и прислушались к разговору патрульных.

– Четырёх наших парней только что сожрали мельзубы. Их обглодали до костей. Когда стая мельзубов отплыла от берега, ребята из супергруппы спустились в воду и вытащили на берег лишь обглоданные кости несчастных, – рассказывал один из патрульных.

– Два негодяя-эргоза, сбежавшие из карьера, привлекли к берегу стаю мельзубов. На наших парней, пытавшихся в океане настигнуть беглых рабов, напали тысячи этих мелких хищников. Их смерть была ужасной! – сказал другой патрульный. – У этих тварей не обычные жвала, а очень острые пластины. Они так быстро работают челюстями, что это невозможно заметить.

– Эргозы похожи на мельзубов. Вроде, они слабее нас, но их много и они злые.

– Просто среди них много негодяев, грезящих о восстании.

Голоса и гулкие шаги патрульных стихли. Илмож кивнул Алдиру и они направились по кривым улочкам на окраину города. Город держазов мало походил на земные города. Алдир удивлённо смотрел по сторонам, а в голове Илможа вообще всё перемешалось, и он иногда останавливался, стараясь узнать место, а потом продолжал быстро идти, уводя Алдира всё дальше от набережной и центральных улиц и площадей к нищим кварталам, в которых обитали эргозы.

Наконец каменные дома сменились деревянными одноэтажными бараками с маленькими окнами. Среди вываленных в разных местах груд мусора, обрывков грязной бумаги и рваных пакетов медленно передвигались маленькие белые животные, похожие на богомолов.

Илмож уселся на картонную коробку между двух переполненных мусорных баков. Рядом с ним пристроился Алдир.

– Где мы? – удивился Алдир.

– На городской окраине. Здесь живут эргозы, – пояснил Илмож.

– Здесь так грязно!

– В этой части Идериоза поселились нищета, болезни и горе. Эргозы, обитающие в нищих кварталах, с нетерпением ждут своего освободителя от власти держазов, – сказал Илмож и с сомнением посмотрел на Алдира.

– Почему ты на меня так смотришь? – спросил Алдир.

– Думаю, сможешь ли ты выполнить свою миссию.

– Какую ещё миссию?

– Спасителя эргозов.

– Ничего себе! – присвистнул Алдир сквозь щели жвал.

– Ведь ты был лидером мятежников до того, как тебя схватили и сделали в тюремной клинике операцию на твоём мозге. После этой операции ты должен был стать почти растением, рабом, от которого осталась лишь внешность прежнего Алдира. Но ты сохранил своё «Я», да ещё стал обладать памятью жителя Земли.

– Ты сейчас упомянул про Землю, и у меня защемило сердце, – признался Алдир. – Да ведь и у тебя с той далёкой планетой тоже многое связано.

– Да. Ведь ты знаешь меня, как землянина. На той далёкой планете я много рисовал, – вздохнул Илмож.

– Я помню твои картины. Ты делал рисунки к моей книге, – вспомнил Алдир и спросил:

– А кем ты был на Эрлисете, пока не очутился в песчаном карьере?

– Строителем. Я возводил дома для держазов.

– Как же ты познакомился со своей серокожей красавицей?

– Вместе с другими строителями-эргозами я возводил загородный дворец для отца той девушки, которую звали Эльвиола. Её отец был заместителем главы правительства держазов и одновременно министром финансов.

– Вот это да!

– Его звали Жарол. Может, помнишь это имя?

– Нет, – признался Алдир.

– Понятно. Тогда и самого главу правительства Пандира ты не помнишь?

– Ни одного имени, кроме своего, я не помню.

– Я встретил Эльвиолу и мы полюбили друг друга, но однажды, когда мы встретились с ней на набережной, меня схватили охранники. Эльвиолу отвели к отцу, а меня бросили в тюрьму. Там я оказался в одной камере с двумя мятежниками, которые рассказали мне, что возглавлявшего сопротивление Алдира тоже схватили и собираются сделать его Отрешённым, а потом направить на тяжёлые работы.

– Это они говорили про меня?

– Да, Алдир. Но не только ты попал на операционный стол. Меня тоже направили в тюремную клинику. Однако меня спасла Эльвиола. Через своих знакомых ей удалось дать взятку врачам, и они провели операцию не так, как положено. Я попал в карьер и стал старательно скрывать от охранников, что я нормальный эргоз, а не Отрешённый. Когда наступили сумерки, я проснулся в бараке от золотистого свечения над головой. Я подумал, что врачи кромсали мне голову не только, чтобы никто к ним не придрался после операции, но и что-то сделали с моим мозгом. Я решил, что постепенно я становлюсь Отрешённым. Несмотря на

свечение, которое сияло надо мной, я провалился в сон, а когда проснулся, то вдруг понял, что я не просто Илмож, а во мне живёт ещё одно разумное существо, точнее я всё хорошо помню про его жизнь на далёкой Земле. Сначала я подумал, что схожу с ума. Потом я смог собраться и начать жить, ощущая себя землянином в теле Илможа. Тебе, Алдир, легче. Ты не помнишь свою прошлую жизнь на Эрлисете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.